А Рос 4-4 1-420

№ 68 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

Отдел литературы русского зарубежья

55-57

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ДЕКАБРЬ 1963 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

39-й год издания

ОБ ОДНОЙ АНОМАЛИИ

На протяжении многих лет большевики называли русскую эмиграцию отбросами, охвостьем, отребьем и т. п. нелестными эпитетами. В отдельных случаях они и теперь так выражаются. Но в общем — „отбросы" вдруг стали... „дорогими соотечественниками". Вот уже свыше пяти лет рассылаются во все части света газеты, листовки, журналы и даже книги, в которых описывается радостная жизнь на Родине (это слово всегда пишется с большой буквы) излагаются дружеские приглашения и призывы к вчерашнему „охвостью" — вернуться в Россию. Для этой цели создан специальный комитет, заседавший сначала в Берлине, а теперь квартирующийся в Москве. По приказу свыше, в состав комитета включено все, что может быть приманкой: тут и академия наук, тут и союз писателей, тут и балет, тут и спорт, тут и музыканты... Умалчивается только об одном, — о том, что прежде было известно под именем Чека (теперь это, кажется, называется госбезопасностью) и что, несомненно, главенствует над всем комитетом. Без одобрения этого „неназванного" комитет шагу ступить не может. Приглашать домой соотечественников, очутившихся по тем или иным причинам за границей, дело вполне нормальное. Это уже не раз практиковалось и, вероятно, будет еще не раз практиковаться до тех пор, пока люди будут жить в клетках, называющихся государствами. Но это нормальное явление является нормальным лишь тогда, когда открыт дом для тех, кого приглашают домой. У большевиков же открытого дома нет. Границы СССР до сих пор наглухо заколочены. Никто не может въехать в страну и никто не может выехать оттуда. Вследствие этого все обращения большевиков к „дорогим соотечественникам, кажутся аномалией. Это очень напоминает присказку, часто повторявшуюся когда-то жителями Полесья: „Кось, кось — дам оброку, а поймаю — дам по боку".*) Крестьянские лошади летом паслись на выгонах, и если крестьянину днем нужно было запречь лошадь и поехать кудалибо, то он с уздечкой под мышкой шел на выгон. Лошадь, завидя своего хозяина и зная, что ей предстоит труд — уходила прочь. Поймать ее было нелегко. И вот, чтобы обма-

*) „Оброк" — корм. „Кось", „кося", „коська" — ласкательные клички лошади.

УМЕР И. ДАНИЛЮК

Скоропостижно скончался (20 ноября) И. Данилюк, на протяжении многих лет занимавший должность секретаря Федерации и несший на своих плечах все заботы и хлопоты по изданию нашего журнала. Некролог будет помещен в следующем номере „ДТП"

нуть мало развитое животное, крестьяни нес с собою пучек зеленой травы или же торбу (в большинстве случаев пустую), из которой кормили лошадей. По мере приближения к лошади, крестьянин вытягивал вперед руку с пучком травы или же тряс обеми руками торбу, и мысленно твердил: „Кось, кось — дам оброку, а поймаю — дам по боку". Несомненно, подобными же соображениями руководствуются и большевики. Пока эмиграция находится за границей — ей обещаются златые горы, но если кто из ее рядов поверит обещаниям и вернется в СССР, он, несомненно, окажется на положении запряженной лошади.

Нет, не с того конца большевики начали свое обращение к „дорогим соотечественникам". Если они хотят, чтобы никто из русских людей не мучился на чужбине (по их словам, все русские эмигарнты живут за границей в страшных условиях), то они прежде всего должны открыть границы СССР. Если въезд в СССР будет свободен и если выезд оттуда тоже будет свободен, то никакие обращения к „дорогим соотечественникам" не нужны будут. Люди сами туда широким потоком хлынут. Поедут туда не только „дорогие соотечественники", но и все те, кому в буржуазных старнах живется плохо. Сами большевики говорят — и говорят очень настойчиво и нахально — что жизнь в буржуазных странах — ад для трудящихся, а жизнь в СССР — настоящий рай. Так почему же этот „рай" закрыт для трудящихся? Почему бы не распахнуть настеж ворота — пусть бы люди бежали из ада в рай. Боязнь козней? Боязнь того, что „враги народа", нахлынув в рай, загадят его и в конце-концов превратят в ад? Чепуха. От того, что когда-то люди свободно прибывали в Соединенные Штаты — никакого переворота тут не произошло. Люди приезжали из разных стран, со всех материков, а жизнь в стране шла своим чередом. Не произошло бы переворота и в СССР от притока людей из других стран если бы там, действительно, все было так, как пишут большевики. От хорошего никто не захотел бы отказаться. А если бы и нашлись какие-нибудь маньяки, которые захотели бы хорошее заменить худшим, то их скоро остановили бы. Все население восстало бы против них. Боязнь козней, следовательно, сама собой отпадает. Есть что-то другое, заставлеющее большевиков держать страну затянутой железным занавесом.

Это „другое" — тюремные условия жизни в СССР. Тюрьмы бывают разные — худшие и лучшие — но если тюремные двери оставить открытыми, то независимо от того, какой режим царит в тюрьме, она останется пустой. Все тюремное население уйдет из тюрьмы, новые же постояльцы туда добровльно ни за что не придут. Это, конечно, случилось бы и с СССР, если бы большевики открыли гарницы. Людской поток хлынул бы не в СССР, а из СССР.

Где же выход из такого положния? Выход тут очень простой и заключается он в том, что жизненные условия в СССР должны быть, если не лучше, то, по крайней мере, и не хуже, чем в буржуазных странах. От добра — добра не ищут — гласит народная мудрость. Если бы в СССР, в самом деле, были хорошие условия жизни — никто оттуда не побежал бы. А если кто и побежал бы, то таких можно было бы по пальцам перечесть. Большинство населения осталось бы на насыженных местах и к этому населению, как бабочки ночью на огонь, стремились бы люди из других стран. СССР стал бы настоящим маяком.

Принимая во внимание, что нигде в мире нет подлинной справедливости, у большевиков, действительно есть возможность сыграть роль кормчих человечества. Много для этого не требуется: достаточно установить в СССР такие порядки, чтобы процент справедливости там был больше, чем в других странах, — и это будет все. Больше ничего не нужно. Но большевиков теперь справедливость интересует столько, сколько зайца интересует прошлогодний снег. Когда-то они интересовались справедливостью (по крайней мере на словах) но не теперь. Несправедливость, как и справедливость, как и всякое другое социальное явление, имеет две стороны. Одним она несет горе, а другим — радость. Одни от нее плачут, а другие — пляшут. Большевики принадлежат к категории пляшущих от несправедливости. (Конечно, от той несправедливости, которую они сами же насаждают). Они уже отравлены ядом власти. У них уже головокружение, как когда-то выразился мрачный Сталин, от политических успехов. У них слишком много привилегий. Пожалуй, больше, чем у кого бы то ни было на свете. А если у человека много привилегий, то он на благородные поступки неспособен. Даже в евангелии сказано, что верблюду легче пройти сквозь ушко иголки, чем богатому попасть в царство небесное. Большевики слишком богаты. В их руках вся страна, со всеми ее ресурсами, со всем ее населением. И не только вся страна, не только все население, но и все юридические права в их руках. Большевики — полноправные хозяева во всех отношениях. Этот полнейший абсолютизм и мешает большевикам установить в стране хотя бы относительную справедливость. Справедливость и абсолютизм — понятия несовместимые.

Где усиливается справедливость, там падает абсолютизм, и наоборот. Принимая все это во внимание, трудно допустить, чтобы болюшевики пошли на такой благородный шаг, как открытие границы. Как у истых тюремщиков, на дверях их тюрьмы (огромной страны) всегда будет висеть большой замок.

Но эмигацию большевики, судя по всем признакам, в покое не оставят. Они сами когда-то были эмигрантами, поэтому хорошо знают, что такое эмиграция. Физическая сила эмиграции, конечно, сведена к нулю, но ее моральная сила — огромна. Наличие эмиграции — живое свидетельство, что в той стране, откуда эмиграция вылилась, не все благополучно. Здесь опять таки сказывается приведенная выше народная мудрость: „от добра — добра не ищут". Если в стране порядки хороши, если там можно жить, можно свободно дышать, то такая страна эмиграции не породит. Если же в стране царит произвол, то эмиграция неизбежна. Так было при царизме, так случилось и при большевиках.

Мы, конечно, не думаем, что вся эмиграция ходит в белоснежных ризах. Есть среди эмиграции, вероятно, люди плохие. И требования они иногда выдвигают такие, что с ними нельзя согласиться. Но одно тут несомненно: то, что эмиграция — результат произвола. И так как эмиграция является пострадавшей стороной, то вполне понятно, почему она завоевывает симпатии. Общество всегда на стороне пострадавшего.

Количество эмиграции — верный барометр, свидетельствующий о политической атмосфере страны, породившей эмиграцию. Чем многочисленнее эмиграция—тем больше произвола в той стране, откуда эмигарция вышла. Русская эмиграция довольно многочисленна и своей многочисленностью кладет большую тень на все дела большевиков.

Здесь мы подошли к одному явлению, редко где встречающемуся. Когда речь идет об эмиграции, то само собой понятно, что подразумевается политическая эмиграция. Так всегда было, так есть и теперь, и большевики, обращаясь к „дорогим соотечественникам", имеют в виду именно тех людей, которые революцией были выброшены за границу. Но русская эмиграция — не исключительно политическая. Есть прослойка в русской эмиграции — и довольно значительная — никакого отношения к политике не имеющая. Это — те люди, которые приехали в Соединенные Штаты еще в „доисторическое время" (у большевиков история начинается с 1917 года), т. е. тогда, когда в России не было еще ни большевиков, ни белогвардейцев, и когда грозовые тучи первой мировой войны лишь начинали сгущаться. Кто помнит то время, тот, конечно, знает, что о политике тогда почти никто не думал. Из глухих деревень (преимущественно из западных губерний), куда не заглядывало солнце знания и куда не долетал политический ветер, лавиной катилась молодежь в Америку. Ехали эти пареньки в далекую страну с единственной целью—заработать денег. Всякая политика для них являлась китайской грамотой. Они ею нисколько не интересовались. Да и по приезде в эту страну они первые годы все свое свободное время проводили в картежной игре, в шатании по кабакам или в попойках на частных квартирах. Чтением книг почти никто не занимался. Лишь после революции в России спрос на книги быстро возрос. Лишь тогда люди начали читать и по-своему осмысливать политику.

Этим мы не думаем кого-либо осуждать (люди делали то, к чему они были горазды). Этим мы хотим лишь подчеркнуть, что было бы большой ошибкой считать всю русскую эмиграцию политической. Если уж тут так обязателен какой-нибудь ярлык, то почти всех тех людей, которые приехали в Соединенные Штаты из России еще до первой мировой войны, можно назвать эмиграцией бытовой. Нищета пригнала этих людей сюда, а не политика.

Вот эти то люди как раз и оказались между молотом и наковальней. Не совершив никакого преступления ни по отношению к революции, ни по отношению к родине или русскому народу, людям этим тем не менее доступ в СССР закрыт. Даже сочувственное отношение к сов. правительству мало помогает. (Автору этих строк известен случай когда одной чете, на протяжении многих лет певшей на страницах просоветского „Голоса" дифирамбы большевикам, было отказано во въезде в СССР). Почему этих людей не пускают в страну их отцов, в чем заключается их вина, — на этот вопрос даже самый лучший советский юрист не может дать ответа. Не пускают просто потому, что ... граница закрыта. Правда, исключения иногда бывают. Некоторым сочувствующим иногда, после заполнения всевозможных анкет и после длительного ожидания, удается получить разрешение на въезд в СССР. Но эти исключения не могут быть правилом. Во-первых, потомоу, что это относится только к сочувствущим (и то не ко всем), а во-вторых, потому, что это связано с затратой лишнего времени и средств, чего не требуется в случае поездки в какую-нибудь другую страну. Простому обывателю, родившимуся в России и ныне живущему в Соединенных Штатах, гораздо легче попасть, например, во Францию, где он никого

не знае и где его никто не знает, чем туда, где он кого-то знает и где его кто-то знает.

Такова диалектика советской власти.

Настоящего свободного въезда в страну, пожалуй, нигде не существует. Везде есть те или иные пограничные рогатки. Но эти рогатки по сравнению с советскими пограничными преградами кажутся сущими пустяками. Об этом свидетельствуют ежедневные факты. Жители любого портового города (напр. Нью Йорка) могут ежедневно видеть пароходы, идущие в порт и уходящие из порта. Люди уезжают и приезжают. Одни едут из Соединенных Штатов в другие страны, а другие возвращаются из других стран в Соединенные Штаты. Правда, едут иногда люди и в СССР. Но как едут? Под надзором Интуриста. Ни в одной стране никакого Интуриста не существует. Люди едут туда или же оттуда по своей личной инициативе, самостоятельно, а не как дети под руководством няни. Если Интурист еще до некоторой степени оправдывает себя в том случае, когда в СССР едут иностранцы, незнающие русского языка, то он ничем не оправдывает себя тогда, когда в СССР хотят ехать русские эмигранты, знающие язык и свою родную страну. Для этих людей дороже всего те места, где они родились и выросли. Туда бы им хотелось поехать, а не туда, куда их поведет опытный гид, подведомственный сыскной полиции. Поездки в СССР под эгидой Интуриста — это самое обыкновенное коммерческое предприятие, расчитанное на утечку золота из Соединенных Штатов. Как во всяком коммерческом деле, здесь на первом месте стоит нажива, вследствие чего стоимость поездки взвинчена до небес. Богатым американцам, способным швырять тысячи долларов куда попало, быть может, это малоощутительно, но русским эмигрантам, живущим во многих случаях на скудную пенсию, такая роскошь не по карману. Русским эмигрантам нужны поездки по доступным ценам, без Интуриста, не связаные с разными анкетами, — ну, хотя бы такие, какие возможны в другие страны.

Следует заметить, что русская эмигарция в Соединенных Штатах — не единственная эмиграция. Есть и другие эмиграции. Даже много их. Некоторые из них гораздо больше и богаче русской, другие — такие, как русская, а есть и такие, которые меньше русской. За редким исключением, люди эти приехали сюда с той же целью, с какой приезжали русские в довоенное время — на заработки. Некоторые из них продолжают поддерживать связи со „старым краем", а некоторые порвали всякие нити. Но все они имеют возможность, если только карман позволяет, поехать туда, откуда приехали, пожить там, а затем вернуться в Соединенные Штаты. А если захотят, то и навсегда могут остаться на своей родине. Последние случаи значительно участились после того, как в Соединенных Штатах вошел в силу закон о социальном обеспечении. И понятно почему... Даже на максимальную пенсию — 127 долларов вмесяц — прожить в Соединенных Штатах почти невозможно. Если же пенсия не полная (а таких пенсионеров очень много), то и совсем нельзя прожить без побочного дохода, который лишь в самых редких случаях может подвернуться. Но если пересилиться в одну из тех стран, где жизнь проще и дешевле, чем Соединенных Штатах, то в такой стране 127 дол. в месяц гарантируют скромное существование для одного человека.

Этим и воспользовались некоторые старики-пенсионеры. И в Италии, и в Мексике, и в Швеции, и в Греции, и в других странах уже есть американские пенсионеры, регулярно получающие из Соединенных Штатов свои пенсионные чеки. В будущем количество таких людей несомненно увеличится. У стариков оказалась возможность вернуться в родные края и дожить свой век, не ложась никому на плечи бременем. Только у русских эмигрантов нет такой возможности. Они не могут вернуться туда, откуда приехали: во-первых, границы все еще остаются наглухо заколоченными, во-вторых, пенсионные чеки из Соединенных Штатов в СССР не посылаются. (Между Москвой и Вашингтоном нет соответствующего соглашения по этому вопросу). А между тем, русским эмигрантам больше чем кому бы то ни было надлежало бы вернуться в родные края. И не из-за ностальгии, от которой русские эмигранты, вероятно, давно освободились, а в силу простых бытовых условий. Русская довоенная эмиграция отличается от других эмиграций тем, что она состоит почти исключительно из мужчин. Женщин и девушек из России приехало в Соединенные Штаты очень мало. (Если бы не разразилась война, то очень возможно, что процент женщин в русской эмиграции значительно возрос бы). Ехали сюда преимущественно молодые люди, не успевшие еще жениться. Приехав холостяками, они так и остались холостяками. Очень немногим удалось жениться на девушках, приехавших из Польши или из Галиции. Большинство вынуждено было вести холостяцкий образ жизни. Легко представить положение этих людей на чужбине. Пока были молоды, здоровы и сильны — было еще кое-как: время уходило на работе, в развлечениях и т. п. Но вот состарились, вышли на пенсию... и что же теперь у этих людей есть? Почти ничего. Ни семьи, ни своего угла, ни родных, ни... даже хороших знакомых часто

нет. Полнейшее одиночество. Молодому человеку одиночество не так ощутительно, но старику оно сильно дает себя знать. Автор этих строк однажды при встрече с одним пенсионером был ошарашен следующим. На вопрос, как поживаете, пенсионер ответил: „Все хорошо, только беда, что Бог смерти не дает". Возможно, что не все пенсионеры доходят до такого отчаяния. Возможно, что не все желают себе смерти, но одно несомненно: никто из них не доволен своим положением. Люди эти чувствовали бы гораздо лучше ,если бы они доживали свои дни там, где родились, где свой язык и родная обстановка, где есть с кем словом перекинуться. Там они не сокрушались бы от того, что Бог смерти не дает. Но они не могут поехать туда. Другие эмигранты могут поехать на свою родину, а русские — не могут.

Получается своеобразный заколдованный круг. Большевики пишут горячие воззвания к „дорогим соотечествинникам", наводняют все части света литературой, в которой самыми радужными красками описывается веселая и счастливая жизнь в СССР, и в то же самое время держат границы наглухо закрытыми и не дают возможности вернуться домой тем людям, которые и без воззваний вернулись бы. Получается этот круг от того, что большевики никогда правды не говорят. Ложь и обман — их любимые козыри. Оперируют они этими козырями и на этот раз. Никакого особого благоволения к „дорогим соотечественникам" они не питают. Им просто хочется физически уничтожить русскую политическую эмиграцию, мозолящую им глаза. С этой целью они и зовут всех домой. И если кто поверит их обещаниям (такие люди, несомненно, находятся), то большевики поступят с ними как им заблагорассудится. Если вернувшийся на родину имеет некоторый вес, большевики начнут выжимать из него все соки. Заставят его писать от своего имени обращения к оставшимся еще заграницей соотечественникам, прикажут хвалить все то, что он нашел на родине, а потом забросят его куда-нибудь в самый отдаленный угол страны. Если же вернувшийся никакого политического веса не имеет, то его сразу же пошлют туда, куда Макар телят не гонял.

Могут, конечно, и русские довоенные эмигранты попасть в эту своеобразную мышеловку. Хотя они и не политические эмигранты, но они тоже могут взять советский паспорт и отдаться всецело на произвол большевиков. Но ведь это, не то, что нужно русским довоенным эмигрантам. Не политическая волна выбросила их за границу,—не политическая волна должна их возвращать на родину. Уехали они из дому как самые обыкновенные рабочие на заработки, и хотят вернуться домой как самые обыкновенные рабочие с заработков. Они люди — труда, а не политики. Оставили свой дом, поехали в далекую, неизвестную им страну, проработали там долгие десятки лет (гораздо дольше, чем предполагали) и теперь должны иметь возможность вернуться домой. Свободно уехали — свободно и приехать должны. Ну, хотя бы так, как это делают итальянские эмигранты, такие же трудовики, такие же чернорабочие, как и русские. Чем итальянский рабочий лучшее русского? Ничем. Оба одинаковы. Оба тяжело трудились в Америки. Но вот итальянский рабочий, дожив до пенсионного возраста, может безпрепятственно вернуться на родину и там спокойно доживать свой век, получая из Америки пенсионные чеки, а русский этого не может сделать. Уже это одно достаточно свидетельствует, что советское правительство — самое антигуманное, самое жестокое. Даже буржуазные правительства не так жестоки. В любую буржуазную страну человек может поехать из Америки, без Интуриста, а в СССР — не может. Не может даже тот, кто там родился и кому по всем законам — божеским и человеческим — должен быть открыт доступ туда.

Напрасно большевики твердят, что они заботятся о человеке. (Это их новейший лозунг). Их дела находятся в явном противоречии с их словами. На словах они — настоящие ангелы, а на деле — хуже чертей. Завладели страной и никого не пускают ни туда, ни оттуда. А если кого и приглашают, то приглашают так, как „приглашает" паук мух и дрг. насекомых в расставленную им паутину.

С. Крахмалюк

ЭКСИЗМ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кровь, страдания, жертвы — таковы все революции. Россия после неудачной революции 1905 года пережила волну террора, экспроприаций (эксов), убийств, казней. Успешно развивавшееся революционное движение было подорвано хитрой политикой ловкого царедворца Витте, настоявшего на заключении мира с японцами с малой „потерей лица" для царизма, подавившего карательными отрядами в Сибири бунты возвращавшихся с фронта

распропагандированных солдат, не допустившего вливания этого революционного потока в бунтовавшие города Центральной России. Этот опытный финансист займами у французов, немцев, англичан получил крупные суммы для обанкроченной войной казны. А чтобы окончательно сокрушить революцию, подорвать, разъединить напиравшие на царизм революционные силы, Витте вырвал у царя „куцую" конституцию с Государственной Думой, ограниченной властью самодержца. Впрочем, как это отмечено в воспоминаниях Витте, ему в этом деле помог вел. князь Николай Николаевич, пригрозивший царю самоубийством, если он не подпишет манифест 17 октября (а может быть царь побоялся, что дядюшка — великий князь заодно пристрелит и его?).

Как бы там ни было, но Витте всеми этими мероприятиями укрепил пошатнувшийся царский трон, сделал все приготовления для перехода в контрнаступление против революции. Тогда все преобразилось в царском окружении: даже вел. кн. Николай Николаевич, только что требовавший конституции с револьвером в руках, превратился в ярого черносотенца, вдохновителя погромщиков из „Союза русского народа". Царь украсил свою грудь значком этого погромного ордена, а придворная камарилья, только что пресмыкавшаяся перед графом Витте, признала его недостаточно гибким, и решительным для роли ликвидатора революции, — он был против спешки, настаивал на постепенном удушении революции, и его заменили более покладистым, „извлеченным из нафталина" стариком Горемыкиным, зачарованным своей излюбленной фразой „городовых хватит". Конечно, денег у казны было достаточно и на городовых, и на провокаторов, забрасываемых охранкой в революционные организации. А в 1906 году на этом посту появился более проворный, молодцеватый усмиритель П. Столыпин с его квасным патриотизмом, ставкой на помещиков, на деревенского кулака, с выкриками „не запугаете!", с виселицами, со „столыпинскими галстуками". Он дал бой революционерам, но погиб в пучине революции в 1911 году от руки выпестованого его охранкой провокатора, свалился в собственную яму, вырытую для других...

Загнанные в подполье массовыми расправами революционеры ответили на насилье насилием, массовым террором, эксами, забастовками — только в одном 1907 году имело место 1231 убийство представителей власти. Это были вспышки революционного отчаяния...

Террором, эксами особенно увлекалась любившая сильные ощущения зеленая молодежь, искавшая выхода бурлившей энергии. Старшему поколению революционеров это „безумие храбрых" представлялось бессмысленной расточительностью революционных сил. Отсюда — постоянный конфликт между рассудительными „отцами" и увлекающимися „детьми". П. Кропоткин, например, критически относился к эксам и эсеровскому террору по решению партийных трибуналов с назначением исполнителей. Глубокий знаток революционных движений, он не мог не разглядеть в этом увлечении крайностями пагубных для революции последствий, как потом это его предчувствие и оправдалось скандальным крахом многонашумевшей эсеровской боевой организации в связи с разоблачением в 1908 году провокаторской деятельности Азефа — главы этой организации, работавшего и на революцию и на охранку.

Но Кропоткин, по словам Яновского, оправдывал террористические акты Равашоля, А. Беркмана и др., совершенные в индивидуальном порядке, по личной инициативе, в качестве мстителя за поруганную честь и справедливость, и, разумеется не был противником народных действий во время революций для преодоления сопротивления контрреволюционеров. Эксизм же Кропоткиным определенно осуждается в письме к Марии Корн: „Только труд должен быть источником как личной, так и жизни партии. Наша пропаганда должна поддерживаться сочувствующими рабочими, читателями наших газет: деньги буржуа нам не нужны ни „пожертвованные, ни краденные" (т. е. экспроприированные). (См. чикагский „Интернациональный сборник"). В этом же сборнике Э. Гольдман затрагивает ту же тему о плохо пахнущих деньгах: „В 1907 году, — пишет она, — какой то лидер немецких эсдеков получил наследство, оставленное кем-то для социалистического движения. Когда она высказала сожаление, что никто не оставляет таких денег для анархического движения, то Кропоткин заметил: „хорошо, что это не случилось, мы, по крайне мере, уверены, что никто не исповедует наших идей по денежным соображениям". Это уж никак не в духе Ильича, искавшего копейку всякими правдами и неправдами...

У Кропоткина были неприятности с эксистами, появившимися в Лондоне из России. Отрицательное отношение этого ветерана революции к их деятельности (они пробовали заниматься эксами в Англии, собирались бросить бомбу в городскую ратушу) озлобило этих рыцарей динамита настолько, что они пригрозили Кропоткину расправой. К счастью, проведавшая об этих замыслах группа Рокера убедила

их отказаться от подобных безумных планов.*) В своей английской книге „Лондонские годы" Рокер предполагает, что в группах эксистов орудовали агенты царской охранки, подстрекавшие к крайним действиям, чтобы этими безрассудочными актами вызвать у англичан враждебность к иностранцам-революционерам, закрыть им доступ в Англию.

Но другая законспирированная группа эксистов все-таки поставила в Лондоне спектакль, вызвавший большое возбуждение в Англии. Это случилось 17 декабря 1910 года при неудачном покушении на ограбление ювелирного магазина в Эксчэндж Билдинг в районе Хаунд Дич, в котором, по их предположению, хранились драгоценности дома Романовых. Проникнуть туда они собирались посредством подкопа. Встревоженный подземным стуком владелец магазина дал знать полиции. Явившихся полицейских встретили стрельбой. Трое „бобби" были убиты, двое ранены (постовые полицейские в Англи не вооружены револьверами, а только дубинками). Сопровождавший полицейских детектив побежал за подкреплениями, а эксисты тем временем улетучились из дома, прихватив с собой одного из товарищей, тяжело раненого ими же случайно в происшедшем замешательстве. Оставили они его на ближайшей кртартире у знакомых девиц — Розы Тросянской и Любы Мильштейн, вызвавших врача, а последний — полицию, до прибытия которой раненый умер. Полиция называет его Гарштейном, а Рокеру он был известен под фамилией Муронзев (по конспиративным соображениям подлинные имена скрывались, а клички часто менялись).

В связи с этим делом привлекался к допросу Э. Малатеста — противник эксов. В его механической мастерской бывал Муронзев, и когда последний заявил, что в России, куда он возвращается, может понадобиться автоген, то Малатеста снабдил его своей визитной карточкой с адресом магазина, в котором и был куплен этот прибор, однако предназначавшийся для ограбления сейфа в ювелирном магазине, и полиция нашла его в квартире эксистов. Полиция удовлетворилась объяснениями Малатеста, отпустила его.

Заключительная часть этой драмы разыгралась 22 января 1911 года: напавшая на след ускользнувших эксистов полиция окружила их в доме 100 Сидней стрит: 1500 полицейских, взвод шотладской гвардии, артиллеристы с двумя пушками и во главе всей этой силищи (против двух как оказалось эксистов) сам министр внутренних дел У. Черчилль, занимавший этот пост с 1909 до осени 1911 года. На требование сдаться, эксисты ответили пальбой, ранили полицейского инспектора. Грянули залпы полицейских, дом загорелся очевидно от воспламененного газа. Приказ Черчилля пожарникам: не тушить пожар, уничтожить террористов огнем!

Когда умолкли выстрелы и дым рассеялся, в головешках сгоревшего дома нашли обугленные до неузнаваемости два трупа: один — с простреленной головой, а другой — видимо задохнувшегося в дыму. Личность их не установлена. Оба они, по сведениям Рокера, принадлежали к группе погибшего раньше Муронзева (Гадштейна?), состоявшей из латышей (вероятно эсдеков — „лесных братьев").

Английский суд оправдал семерых из восьми лиц, наугад схваченных полицией по этому делу, и только Нина Васильева (подруга Муронзева) была осуждена на два года тюрьмы, но апелляционная инстанция и ее освободила от наказания. Жертва этого дела — другая из оправданных обвиняемых — Сара-Роза Тросянская: потрясенная всем пережитым она покончила с собой.

Из рук лондонской полиции ускользнул некий Петр Пэйнтер (художник?), игравший не последнюю роль у эксистов. Предполагалось, что под этой кличкой скрывался в Лондоне Сталин, но он в это время находился в вологодской ссылке. По сведениям Рокера, Петр Пэйнтер, после революции, оказался в России на службе в чека под именем Петерса, и с ним столкнулся там арестованный в СССР Александр Шапиро, хорошо знавший его по Лондону.

Это только один эпизод из заграничных похождений эксистов; главные же бои, о которых речь впереди, происходили на просторах России.

***

Сперва Стокгольмский, а в следующем 1907 году Лондонский V съезд РСДРП распустили боевые дружины эсдеков, запретили эксы — Ленина не поддержали многие большевики, голосовавшие за предложенную меньшевиками резолюцию против эксов. Но можно-ли было

---

*) Это было второе, несостоявшееся покушение на жизнь Кропоткина. Его убийство планировала „Священная дружина" (члены вербовались из верхних слоев общества—были даже великие князья), созданная для уничтожения революционеров за границей. Содержавшийся в Петропавловке Кропоткин бежал из тюремной больницы. В Париж для его ликвидации послали офицера, а вслед за ним прибыл Витте для той же цели. Обоих их отозвали в Петербург. Александр III, одобривший идею Витте о дружине, пошел на попятную, испугавшись заговорщического характера секретной организации, и ее распустил.

смутить Ильича какой то бумажкой, как и Сталина, присутствовавшего на этом съезде в качестве зрителя, — он еще только был подмастерьем в партии, присматривался к Ленину, хотя и тогда уже протирался на партийный Олимп. Ильич не ошибся в „прекрасном грузине", разглядел в нем нужного ему человека, которому уготовлялась роль партийного министра финансов: осуществление широких ленинских замыслов требовало больших средств.

Сталин смекнул, что в роли финансиста, подобно Витте у царя, он может сделать блестящую карьеру в партии Ленина. У будущего „отца народов" имелись связи с кавказкими боевиками-эксистами: главарь их энергичный, предприимчивый армянин Семен Арашкович Тер-Петросян из того же города что и Сталин, более всего известный по данной ему последним кличке „Камо"... Ленин торопил Сталина — деньги требовались и на пропаганду, борьбу с меньшевиками, оспаривавшими его авторитет.

Предполагается, что план крупного тифлисского экса, в общих чертах намеченный еще в Лондоне, получил окончательное оформление на встрече Сталина с Лениным вскоре же после съезда, о чем намекает Троцкий в своей биографической работе о Сталине, и возвращение его в Тифлис было сигналом для осуществления задуманного предприятия.

Утром 13(25) июня 1907 года, — до нападения в 10 ч. 45 м., — на Эриванской площади разъезжал в пролетке офицер, предупреждавший публику не скучаться, не мешать ожидаемому конвою. Это и был главарь боевиков (Камо) — землячок Сталина, подготовлявший обстановку для успешного экса. А дальше все было разыгранно как по нотам: две грузинки сигнализировали боевикам о продвижении конвоя — 5 казаков, 2 стражника, кассир, конторщик, доставлявшие крупную сумму в казначейство.

По данному сигналу эксисты открыли стрельбу, в конвой полетели бомбы. На площади люди в панике заметались во все стороны. В замешательстве эксисты выхватили из казначейского экипажа чемодан с деньгами, передали его своему вожаку и все (15-20 человек) без всяких потерь бесследно скрылись до прибытия на площадь вызванных войск. Потери конвоя: убит казак, два стражника и ранено 50 человек из публики.

Захваченные деньги сперва оставили на квартире у Миха Богорадзе, а затем их, до отправки за границу, спрятали в более надежном месте — в диване кабинета директора обсерватории, в которой одно время Сталин служил конторщиком, прекрасно знал все уголки в помещении. Одно это обстоятельство наводит на мысль о причастности „отца народов" к этому эксу: без его содействия, указаний Камо не искал бы укрытия в незнакомом ему казенном учреждении. После же экса Сталин, по словам Троцкого, ездил к Ленину в Берлин, вероятно доставил ему тифлисские денежки... В общем, Троцкий того мнения, что Стлин был причастен к эксам. „И все-таки, — досадует Троцкий, — трудно установить характер этого участия". Еще бы: Сталин умел заметать следы своих темных делишек... „Беседовский (сов. дипломат, невозвращенец), — пишет Троцкий, — в партийных кругах, за рюмкой, в порыве откровенности, рассказывал, что Сталин, „по инструкции Ленина", не принимал непосредственного участия в эксах, но разоткровенничавшись с дружками хвастался, что все детали тифлисского экса и самый план это он разработал, и бросил первую бомбу с крыши дома кн. Сумбатова. Очевидно он вовсе не был против трагической героики эксов, связанных с его именем в ранней молодости", и он, Троцкий, еще в 1932 году в одной из своих статей писал о руководящей роли Сталина в нападении на Эриванской площади в Тифлисе. В позднейших своих высказываниях он, однако, пришел к выводу, что коварность характера Сталина, присущая ему осторожность, боязнь риска исключали его непосредственное участие в террористических, эксистских актах кавказских боевиков. Такой же точки зрения придерживается и Борис Суварин в биографической работе о Сталине: „отец народов" не рисковал своей головой, предпочитал жить, а не умереть за революцию".

У эсдеков, однако, сложилось твердое убеждение в причастности Сталина к эксам. В этом его обвиняли Мартов, Дан, Жаринов (последний за участие в ограблении парохода „Николай I" в Баку). Ленин его защищал, и после Октября „суд чести" вынес Мартову порицание за оскорбление в лице Сталина „правительства Ленина и Троцкого". Некоторые из кавказских боевиков, лучше осведомленных, в своих воспоминаниях руководящую роль в осуществлении крупных эксов в Тифлисе, Квирили, Дамате, Чиатури, Баку и в других местах приписывали Петросяно (Камо) и Никитичу (Красину — будущему наркому, полпреду), который, как инженер-химик, наладил в Финляндии массовое производство бомб (100 штук в день), доставлявшихся и на Кавказ все тем же неутомимым Камо. Красин же и инструктировал бомбистов в обращении со взрывчатыми веществами. Организатором тифлиского экса и Ленин называет Камо, которого он аттестует человеком „исключительной преданности, отваги, энергии" без упоминания имени Сталина.

Как бы там ни было, но, по утверждению Троцкого, удачный тифлисский экс (341 тыс.

рублей, а по позднейшим, более точным сведениям, 250 тыс. рублей) — не пошел Ильичу впрок, принес большие неприятности партии. Из-за поднятого шума, предупреждений банкам не могло быть и речи о размене 500-рублевых кредиток, из которых состояла вся сумма добычи. Провалилась и реализация блатных кредиток за границей. Привлеченный к сбыту Житомирский (Отцов) оказался провокатором. В Париже на этом деле „засыпался" Максим Литвинов (будущий наркоминдел), в Женеве — Семашко (будущий наркомздрав), в Стокгольме — Ольга Равич (будущая жена Зиновьева). В Мюнхене и в других городах неудача постигла менее заметных большевиков-сбытчиков.

По доносу того же Житомирского, в Берлине схватили самого организатора кавказских эксов Петросяна (Камо), с бомбами, динамитом прибывшего для ограбления банка Мендельсона. Это был крупный удар для ленинской организации: из строя выпал непревзойденный практик эксизма, можно сказать гений разбойного дела, никогда не терявшийся в самых трудных положениях. Долгие годы провел он в тюрьмах на Кавказе, в Греции, Болгарии, убегал из заключения. В Берлине он симулировал умопомешательство. Два года бились над ним психиатры, подвергая утонченным пыткам вплоть до запуска иголок под ногти. Выдержал искус, надул немцев, передавших его, однако, русским властям. Он сидел под смертным приговором, замененным каторгой и на воле очутился после Февральской революции.

Биографиия Камо полна самыми причудливыми похождениями, и „Правда" (27 мая 1962 года) в посвященной ему статье в связи с 80-летием со дня рождения, не без оснований величает его „легендарным солдатом революции" и надо было еще прибавить „кормильцем и поильцем" Ленина и Ко. По присущей „правдистам" привычке в этой статье правда перемешана с фальшью, домыслами анонимного автора. Он, например, ничтоже сумняшеся утверждает вопреки Троцкому и общеизвестным фактам о провале сбыта 500-рублевок, что будто бы экспроприированные в Тифлисе 250 тыс. рублей „полностью пошли на нужды партии" — попали, но не в руки Ильича, а полиции, партия опростоволосилась, да еще пришлось выручать из беды Литвинова и других неудачных сбытчиков кредиток. И неудивительно, что даже у Ильича после подобного эксперимента появились сомнения в целесообразности эксов, и даже он в 1910 году голосовал за резолюцию меньшевиков, осуждавшую тифлисский экс с поправкой, однако, что эксизм применялся „не во вред рабочему движению".

Освобожденного из тюрьмы Камо, не пожелавшего поступить в военную академию (он и без нее хорошо владел оружием) Ленин устроил на должность начальника Закавказского таможенного управления. Вскоре же после советизации Грузии Сталиным там появился „таинственный незнакомец" (вероятно сталинский агент), который под вымышленным предлогом овладел письмами и бумагами Камо и бесследно исчез с ними. Сталин выкорчевал всех кавказских боевиков-эксистов — в их услугах диктатор уже не нуждался, избавился от свидетелей его темных дел.

Зоркий глаз Сталина не выпускал из поля зрения и главаря боевиков Камо — любимца Ленина, восхищавшегося его храбростью, стойкостью, предприимчивостью, и одно это возбуждало в будущем диктаторе враждебность и к Камо, и Ильичу и другим партийцам „гнилым интеллигентам". Троцкий, например, намекает, что уход Ленина к праотцам состоялся не без содействия Сталина. Циркулировал пущенный кем то слух о яде, которого больный Ленин будто бы просил у Сталина. Раз просил Ильич, то „верный" его ученик наверно услужил своему учителю, и не подсунул ли ему яд в лекарстве?

Загадочна и трагическая смерть Камо 14 июля 1922 года (в возрасте 40 лет), раздавленного автомобилем во время его велосипедной прогулки. Не управлял ли рулем рокового автомобиля тот же „таинственный незнакомец" который до этого обманным способом изъял у Камо письма и документы, и не был ли подослан он с целью ликвидации этого, слишком много знавшего о Сталине боевика? Автор анонимной статьи в „Правде" подобных щекотливых вопросов не касается вероятно „страха ради сталинского", даже развенчанного „отца народов" — не тронь, а вот в отношении угробленного Берия он не стесняется — этот рангом пониже Сталина.

„Когда в Закавказье к власти пробрался авантюрист и провокатор Берия, — пишет „Правда" — он поднял свою подлую руку на светлую память Камо. **Почти все родственники, друзья и соратники Камо подверглись гонениям и репрессиям. Был снят и уничтожен стоявший в центре города Тифлиса памятник Камо. Исчезла даже могила Камо"...** (Подчеркнуто мною. М. С.). Вот это да! — Сразу видна чистая сталинская работа! Но опять таки недомолвки, полуправда, выгораживание Сталина, сваливание его преступлений на других: будто бы дрожавший перед ним (как и все прочие нынешние партийные божки!) Берия мог уничтожить и памятник и могилу Камо без ведома и одобрения своего повелителя в Кремле? И это явное очковтирательство, заметание следов сталинских злодеяний очевидно скрытым ста-

линцем — автором статья „Легендарный солдат революции" преподносится одураченным читателям „Правды" в виде развенчания „культа личности Сталина!"...

После тифлисского экса пэпэсовцы (Польская партия социалистов) удивили всех новой дерзкой экспроприацией, совершенной боевиками будущего диктатора Польши — Юзефа Пилсудского. Это было ограбление почтового поезда ночью 27 сентября 1908 года на ст. Безданы Петербургско-Варшавской жел. дороги. Операцией руководил сам Пилсудский, обошлась она без жертв, в партийную кассу поступило 2.400.000 рублей — сумма кажется преувеличенная биографами маршалка. Отправляясь на экс, Пилсудский составил духовное завещание — излишняя предосторожность: поляки обобрали „москалей" без единого выстрела, без тифлисской героики.

Эхом этого экса явился раскол у пэпэсовцев: Пилсудский со своими боевиками и его единомышленник Дашинский ушли из партии марксистов, враждебной националистическим устремлениям пилсудчиков. В свою очередь кавказские эсдеки реагировали на тифлисскую операцию исключением из партии Сталина, Камо и других боевиков, но эта публика, отдавшая себя в распоряжение большевистской фракции Ленина на Кавказе, Урале и в других местах, не считалась с решением большинства партии: у Ленина был большой размах в партийной работе, ему нужны были деньги, и им одобрялись эксы — главный источник дохода не только у большевиков, но и у эсеров, располагавших хорошо организованными боевыми дружинами. Азеф не только убивал министров, торговал своими товарищами, но успешными эксами давал эсерам значительные средства.

Анархисты не отставали от своих соседей-социалистов и многие анархические группы (иногда именовались коммунами) смотрели на эксы как на источник личного существования, финансирования революционной работы. Они придерживались того мнения, что „всякий делатель достоин пропитания", а если в этом отказывают, то он может взять нужное ему силой у людей, лишивших его крова, хлеба.

Эксизм из России был занесен и в США, но не получил здесь распространения. В условиях американского легализма не было смысла идти на риск, средства на партийную работу изыскивались легальными путями, а туземный эксизм — ракетирство, бандитизм в различных формах — чисто американский продукт без всякой политической окраски, чуждый всякой революционности: капоновцы и другие ракетирские шайки здесь нередко используются для ломки забастовок, расправ с неугодными хозяевам юнионными лидерами, рабочими (в Нью Йорке, например, они убили редактора итальянской анархической газеты Треско, а в Чикаго — редактора итальянской антифашистской газеты Арена, не говоря о других, многочисленных случаях гангстерства).

М. С-к

АНАРХИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Изложение анархической общественности есть изложение форм анархического общества, а также раскрытия связанного с ним понятия анархии. Понятие же анархии раскрывается как свободный союз свободных людей, связанных между собой тысячами невидимых нитей и основывающихся в глубине своей на свободной воле каждого отдельного человека или согласии. Согласие и есть тот базис, на основе которого развертывается анархическая общественность.

Политическая, а также социально-экономическая жизнь современных народов представляет собой чрезвычайно пеструю картину все возможных оттенков, построенную на принципе власти и субординации. И если бы мы теперь попытались хотя бы очень отдаленно нарисовать себе общество будущего, то перед нами, прежде всего, стала бы огромная задача освобождения человека от векового гипноза власти, от того рабства, действие которого, вопреки воле человека простирается настолько далеко, что парализует душу, парализует волю и снова заставляет человека искать спасения все у той же власти. Такова действительность, таково действие массового гипноза. Круг замкнут, выхода как будто нет. Попытаемся же его найти, попытаемся разомкнуть круг, хотя бы для того, чтобы ответить на поставленный выше вопрос о формах анархической общественности.

Если форма современного общества зависит в большей своей части от действующего законодательства с санкцией судебной или исполнительной власти, то конечно не может быть и речи о действии какого бы то ни было законодательства и связанного с ним принуждения при наличии анархизма. Но тогда возникает вопрос: как же будет регулироваться жизнь общества, принимая во внимание всю сложность современной цивилизации?

Ответ есть и формулируется он понятием

согласия, как основы общественной жизни, дифференцируясь на согласия территориальные, производственные, сельско-хозяйственные и множество других.

Попытаемся углубиться в только что сказанное и как бы побывать в нарисованном нами обществе. Будет ли тогда существовать наша деревня с ее специфическими чертами, а также и современный нам город. Думаю, что нет, и сколько бы мы ни искали современной нам деревни или современного нам города, мы их не найдем.

Деревня, если так можно выразиться, ассимилировала бы тогда в себе элементы городской жизни и город соответственно этому утратил бы свойственные ему специфические черты.

Произошло бы это вследствие того, что начало широкой децентрализации и безвластия в противовес современной централизации и связанным с ней господством власти, легло бы в основу социального строительства. Город, это воплощение бюрократизма, а также экономического и всякого иного господства над деревней, этот современный кулак, потерял бы свое значение и культурные центры — сады заменили бы современные нам невежественные деревни.

Общество, однажды потеряв власть, приоб-рело бы этим великую мощь; будучи безвластным, оно стало бы чрезвычайно мощным.

Мы все в достаточной мере искалечены современной жизнью для того, чтобы полет самой фантазии мог в достаточной степени дать нам представление о жизни бурущего общества. Согласие, отсутствие господства большинства над меньшенством и обратно, обезпечат всякой личности свое подлинное выражение в строительстве жизни. Итак, в противовес современному укладу жизни с ее безчисленными законами, имеющими свои корни в римском праве императорского периода и сковывающими человечество до сих пор по рукам и ногам, выдвигается согласие в форме договорного или конвенционального права, являющегося единственным регулятором всего многообразия жизни. Конечно, для современного правового мышления естественно возникает вопрос: какова же юридическая природа этого договора, если нет организованной власти, карающей правонарушение? В условиях анархической общественности, где право или свободная гармонизация личности и общества при помощи договора будут синонимами, где само право не представляет собой застывшей формы, но находится в процессе постоянной динамики, в соответствии самой жизни, вопрос о правонарушенни будет представлять собою скорее проявление волевого импульса, родившегося из совокупности условий и требущего соответствующего социального корректива, чем специфическое правонарушение.

Что касается уголовного права, то едва ли оно будет иметь тогда место, та как современные, так называемые преступления, являясь отражением господствущего правопорядка находятся в большей своей части в прямой или косвенной связи с институтом собственности, — частной или государственной.

Преступления же, совершенные в состоянии аффекта, имеют большее отношения к области лечебно-воспитательной, чем в прямом смысле к уголовно-наказуемым действиям.

В целях самоцщты, если в этом встретится надобность, общество может, конечно, выделить из своей среды волонтеров, доборовольно берущих на себя охрану благополучия населения, но нужно полагать, что надобность в подобной охране будет ничтожна, так как самая широкая самодеятельность, общества с одной стороны, а также ярко выраженные индивидуальности с другой, сумеют в корне парализовать все то, что является в настоящее время продуктом власти и насилия.

Возвращаясь к поставленному выше вопросу о юридической природе договора, построенного на началах согласия в условиях анархии, попробуем углубиться в понятие юридического лица для того, чтобы или признать за ним право на существование в указанных выше условиях или отвергнуть его. Под юридическим лицом обычно понимается все то, что будучи физическим лицом, является способным в виду определений цели быть субъектом права. В современных законодательствах жизнь и действительность юридических лиц всецело нормируется законом и вне этих условий бытие юридического лица немыслимо. В условия анархической общественности, где совокупность координированных воль отдельных участников согласия создает единство этих воль, понятие юридического лица, как единой воли, в противоположность современному юридическому лицу, как господству организованного большинства или меньшинства, находит свое яркое незамаскированное выражение. Точно также, если бытие юридического лица сейчас зависит от санкции закона, наделяющего его жизнью, в обществе будущего юридические лица в своем бытии будут зависеть только от себя, от своей внутренней мощи и целесообразности. Таким образом, на основании вышеизложенного, я не вижу препятствий к тому, чтобы нельзя было наделить согласие правом юридического лица. Бытие же отдельных согласий не нуждается в санкции

закона и обезпечивается, кроме того, всей мощью, но не властью организованного общества. Начало федерации, — начало свободного союза, охватывающего все многообразие жизни снизу вверх, а не сверху вниз, т. е. органический, естественный рост жизни и творчество масс, вот что должно будет создать подлинное челевеческое общество.

Кропоткин говорит: „Настало время обратиться к той выгоде, которая проистекает от интеграции труда, от его объединения; до сих пор политическая экономия знала только разделение труда; мы же настаиваем на его объединении: на том, что идеалом общества ,т. е. тем, к чему оно уже стремится — является такое общество, где каждый трудится физически и умственно, где способный к труду человек работает в поле и в мастерской; где каждая нация и каждая область, располагая разнообразием природных сил, сама производит и потребляет большую часть своих продуктов земледелия и промышленности". (Кропоткин — Поля, Фабрики и Мастерские).

В настоящей статье я не буду углубляться в проблемы политической экономии. Скажу только, что в отличие от современности центром тяжести экономической науки будет живая, конкретная личность с ее потребностями, тогда как теперь та же личность приносится в жертву, или ради обогащения немногих, или во имя достижения высших идеалов; говоря о нуждах промышленности или сельского хозяйства забывают, что нуждаться в чем либо может только реальный человек. В условиях же современности нужды промышленности и нужды общества далеко не одно и то же.

Итак, жизнь строится по принципу согласия. Вот перед нами, допустим, фабрика. Тысячи невидимых нитей связывают ее органически со всем строем жизни. Работающие на фабрике выбирают из своей среды на известный срок, с правом перевыбора в любой момент, административно-хозяйственнгй аппарат, задачей которого будет состоять: руководство производственными процессами, распределение рабочей силы, введение всякого рода усовершенствований, а также обезпечение производства всем необходимым сырьем, ведение отчетности и т. д.

Недовольные выборами могут установить свое новое согласие и договориться или перейти работать в другую индустрию.

Через посредство своего выборного органа данная фабрика сносится с аппаратами заготовок сырья, распределения продукции и т. д.

Нужно полагать, что район сбыта продукции будет естественно, за немногим исключением, строго территориальный, так как не будет надобности распраcтранять его далеко за пределы известного округа, в виду того, что и другие округа будут иметь внутри себя развитую промышленность; исключения будут составлять только некоторые виды промышленности, тесно связанные по роду своей деятельности с известным местом, как например, разработка каменоугольных копей, добыча металлов, судостроение и т. д.

Возвращаясь к нашему вопросу — примеру с фабрикой, необходимо спросить себя: где же те линии сил, по которым будет строится хозяйственно-экономическая жизнь? Поставленный вопрос приводит нас неизбежно к проблеме организации как самих согласий, так и их взаимоотношений.

Переходя к разработке постановленного вопроса, можно наметить четыре основных типа экономических согласий: согласия территориальные, производственные, сельско-хозяйственные и профессиональные.

Территориальные согласия объединят в себе всю совокупность лиц, живущих на данной территории. Начало этому будет положено в объединении лиц, населяющих один дом. Из домовых объединений создадутся квартальные или же районные объединения. Главной целью этих объединений будут нужды лиц, населяющих данный район. В каждом районе или в квартале имеется исполнительный орган-совет, где выбранные от домов сообщают хозяйственные нужды населения, без какого либо намека на управление, т. е. всегда оставаясь строго в рамках исполнения данного поручения. Отсюда и советы приобретают по существу посреднический характер в деле снабжения населения всем необходимым. Они ведут учет поступающих заявок, передают их для исполнения соответствующим органам, а затем учитывают все то, что выполнено и поступило в распоряжение района.

Организация совета выборная: члены в совет избираются на общих домовых собраниях, причем, если имеется разногласие, то каждая группировка может послать от себя то количество выборных, которое соответствует ее желаниям. За выборщиками, кроме того, всегда остается право отозвания и перевыбора своих уполномоченных в любой момент. Наконец, процедура выборов может происходить таким образом, что выборщики разбиваются на более или менее небольшие группы и каждая группа единогласно избирает своих представителей.

Необходимое количество членов совета определяется его работой, при чем излишнее количество выборных, если таковое будет обнаружено, возвратится к своим обычным занятиям. В каждом районе имеется достаточное

количество магазинов и складов, обеспечивающих потребности населения. Снабжение производится таким образом, что предметы имеющиеся в изобилии раздаются без ограничения, в отношении же ограниченного количества каких-либо предметов производится разверстка пропорционально количеству населения, принимая во внимание такие категории живущих, как старики, больные и дети.

Роль профессиональных союзов в деле снабжения населения сводится к роли передачи от отдельных районов соответствующим фабрикам и заводам, при чем отсюда следует, что в каждом районном совете имеется представительство профсоюзов для большей увязки с местным населением и планомерная деятельность которого в деле распределения заказов по фабрикам и заводам согласуется с центральным органом данного района.

Лица, живущие в данном районе, по роду своей деятельности могут принадлежать к различным производительным единицам, в которых они и образуют соответствующие согласия. В добавление к примеру с фабрикой, можно сказать, что тот же принцип выборности будет иметь место и в организации управления отдельных фабричных цехов или отделов.

Организация кустарного промысла будет строиться таким образом, что отдельные кустари могут, если пожелают, составить объединение или работать в одиночку, получая нужное помещение, необходимые орудия производства и сырье через посредство своего районного совета. Говоря о деятельности профессиональных союзов нужно сказать, что их прямой задачей является, главным образом, снабжение отдельных предприятий необходимым сырьем, машинами, инвентарем, материалами и т. д. Отдельные предприятия сносятся с соответствующими профсоюзами и эти последние выполняют требования поступающих заказов.

Никаких выборов в профсоюз, чтобы быть его членом не производится и всякий работающий в той или другой отрасли промышленности уже тем самым принадлежит к соответствующему профсоюзу. Самая же организация профсоюзов, как посредничество аппарата, выступающего в роли снабжения как отдельных фабрик и заводов, так и населения через посредство его советов, строится на основе выбороз от отдельных фабрик, заводов, мастерских и т. д. Сроки уполномоченных выборных в исполнительный орган союза устанавливаются самими выборщиками, при чем эти последние пользуются правом отозвания своих делегатов в любой момент.

В целях наиболее полного и наилучшего удовлетворения нужд населения, а также промышленности, в каждом поселении, кроме представительств в районных советах, имеется одно центральное представительство профессиональных союзов, количество членов которого варьируется в зависимости от интенсивности жизни данного места. Совокупность профессиональных организаций составит единую федерацию профсоюзов, деятельность которых пойдет по линии снабжения промышленности сырьем, машинами и т. д., а также наилучшего и наиболее полного удовлетворения в необходимом комфорте и удобстве жизни.

Что касается культуры сельского хозяйства, то в этом отношении приходится сказать, что так как в развитом анархическом обществе грань между городом и деревней стирается, то, конечно, согласие сельско-хазяйственного типа будет строится, главным образом, теми же самими лицами, которые являются непосредственными участниками производства. А это значит, что в период обработки полей, нужное количество лиц переходит от участия в производстве к полевым работам. Это может, правда, повлечь за собой приостановку даже закрытие на время сельско-хозяйственных работ части промышленности, но при надлежащем учете потребностей населения и деятельности, в связи с этим, фабрик и заводов, это не сможет никоим образом, повести к ухудшению материального благополучия населения.

Соединение же в одном населенном пункте развитой промышленности и сельского хозяйства даст возможность применить в области последнего наиболее усовершенствованные методы обработки. Зерно и другие сельско-хозяйственные продукты поступают в соответствующие хранилища и элеваторы и оттуда передаются для дальнейшей обработки на мукомольные мельницы и другие предприятия. Продукты не требующие обработки, непосредственно идут на склады и магазины для нужд населения. Необходимое количество лиц, образующих объединения для производства полевых работ, выделяют из себя известную часть, которая и принимает участие в дальнейшей судьбе полученных продуктов., т. е. организует и производит доставку их на ссыпные пункты и другие места хранения, производит учет, доводит до сведения центрального профессионального органа о количестве поступивших продуктов, при чем этот последний принимает меры для дальнейшей их обработки; в отношении же продуктов не требующих обработки доводит до сведения советов, в распоряжение которых они затем и поступают, направ-

ляясь в соответствующие районные склады и магазины для снабжения населения.

Все вышеизложенные формы строительства жизни приводят нас к признанию того факта, что принцип применения интегрального труда вырастает до степени „Conditio sine qua non" в создавшихся условиях. А отсюда возникает проблема образования, как обеспечивающая человеку возможно полное применение его умственных и физических сил, значение и сущность которых проявлятся в гармоническом, естественном росте культуры и цивилизации. Если в современном обществе одна группа населения живет исключительно умственным трудом, другая же не может выйти за пределы труда физического, то проистекающий отсюда антагонизм создает привелигированное положение для сравнительно небольшой части населения, в противоположность массам, доступ которым к умственному труду закрыт. Упомянутые причины не могут, конечно, создать благоприятных условий для гармонического развития личности и общества, а также и для преодоления социально-экономических противоречий современности.

Отсюда же с необходимостью следует, что образование должно идти по линии обьединения в каждом учащемся ремесленно-технических знаний с широкой научно-теоретической подготовкой. Иными словами, всякий должен уметь трудиться как умственно, так и физически.

Соединение же умственного и физического труда в одном лице и даст его интеграцию. Из вышеизложенного вытекает, что тоном общественной жизни будет максимальное проявление сил и способности каждого отдельного человека. Осмысленный, свободный и радостный труд человека будет залогом его счастья, а рационально устроенная жизнь общества обеспечит его всем подобающим комфортом и удобством жизни, цивилизация же и культура будет подлинным достоянием всего человечества. Человек будет обеспечен с момента рождения всеми экономическими и духовными благами общества, подобно тому, как теперь сама природа обеспечивает всех солнечным светом и воздухом. При воплощении в жизнь только что сказанного, высочайшая духовная культура будет иметь место, так как будут удовлетворены необходимые условия подлинной человеческой жизни, достаточные же условия для развития духа человека будут иметь свои корни во всем строе будущего общества, в котором его досуг от непосредственного участия в производстве будет велик, так как будет обеспечен высоким уровнем техники, надлежащей общественной организацией и наиболее совершенными приемами обработки.

Высказывая мысль, что человек с момента рождения будет обеспечен всеми благами, какими будет располагать общество, мы касаемся этим в сущности проблемы, так называемого детского вопроса. Дети суть только объекты любви и принадлежат только себе и больше никому. Общество, так же как и родители имеет лишь обязанность в отношении их, выражающуюся в воспитании и руководстве их развитием как физическим, так и умственным. В случаях сиротства, а также тогда, когда родители не пожелают почему либо сами воспитывать своих детей, общество в лице своих воспитательно-образовательных учреждений берет на себя руководство в деле их воспитания и образования. Независимо от того, находится ли ребенок при родителях или нет, развитие его должно быть обеспечено всеми имеющимся на лицо рессурсами как материальными, так и духовными. В этом отношении общество должно быть на высоте поставленной задачи, ибо проблема воспитания и образования есть в сущности проблема его же собственного бытия.

Заканчивая настоящую статью, нельзя не упомянуть о том, что вся выгода проистекающая от вышеуказанной организации общества сравнительно с существующими государственными правопорядками, заключается, независимо от экономической стороны вопроса, также и в отсутствии чрезвычайно громоздкого и дорого стоющего чиновье-бюрократического аппарата и в осуществлении свободного, ненаемного труда.

Если в современных условиях, когда труд считается формально свободным, по существу же всегда остается крепостным, подневольным, возможно все-же проявление некоторого творчества, то в условиях действительной свободы, никакая фантазия не может представить себе того размаха, той силы, в каких будет проявлять себя творческий гений человека. Но, конечно, все зависит только от воли и сознания людей, без наличия которых никакая а н а р х и я возникнуть не может. Свободу не дают, но берут. И если задачей настоящей статьи и было искание форм анархической общественности, оставаясь в рамках социально-правовых, то мне хотелось бы подчеркнуть сейчас, что последнее есть только базис, откуда разовьется жизнь человека с его душевно-духовными вопросами, тот базис, на основе которого должна будет развернуться культурная жизнь человечества со всеми ее оттенками, во всем ее разнообразии, принимая во внима-

ДИАЛОГ БРАТЬЕВ КРОПОТКИНЫХ О РЕЛИГИИ

Составлен из выдержек „Переписки" братьев Петра и Александра Кропоткиных (т. 1, „Academia" Москва-Ленинград 1932, стр. 275), охватывающей 1857-1862 — период учения Александра (1841-1866) в 1-м кадетском корпусе в Москве и Петра (1842-1921) — в пажеском корпусе в Петербурге. Оба талантливые молодые люди вышли в офицеры еще до совершеннолетия. Дискуссия о религии между братьями открывается письмом Петра к Александру 24 октября 1857 года.

Петр. Не поспешно ли твое решение о вере, ты сам знаешь, какой это важный предмет, сравнивал ли ты ее (лютеранство) с нашей верою, положим, в православной церкви много вкралось злоупотреблений, но главные догматы, кажется, справедливы, впрочем я пишу это почти наобум, я не знаю, ни в чем состоит лютеранское учение, ни различия его от нашего, где бы это узнать, не знаю; потом мне кажется, что нужно много начитанности и умения толковать и понимать тексты, чтобы совершить шаг, который ты совершил, ты считаешь истинным учение Лютера и Серве, так какое же из них вернее, ты, значит, еще не решил этого, а между прочим принимаешь учение Лютера и все-таки считаешь учение Серве тоже верным, а они далеко не похожи друг на друга, сколько я знаю, значит ты не совсем веришь Лютеру, а между тем лютеранин в душе.

Я, по крайней мере, нахожу, что все-таки лучше быть лютеранином, как ты, чем православным, как я, потому что я не имею никакой религии, я нахожу, что я жалок даже теперь, верю, что Бог есть, что Иисус Христос есть, а между тем все это так неясно в моей голове, что я путаюсь, я испытываю то, что ты писал, что не можешь молиться, я даже невольно смеялся, проходя мимо молящихся на площадке у дверей нашей церкви... Я читал некоторые сочинения о предметах, касающихся религии, например, „Философский словарь" Вольтера, потом сам отвергаю некоторые догматы нашей веры, многие предания, которые казались мне нелепыми; я наконец дошел до того, что почти ничему не верю... Я думаю, не та ли вера самая истинная, которая образовалась после Иисуса Христа тотчас, ведь Лютер изменил ее, а мог ли он сделать ее лучшею, чем Иисус Христос?...

Александр. Реформация совершена Лютером против страшных злоупотреблений римской церкви. Дело возникло из-за индульгенций, которые продавали папы за деньги желающим, уверяя, что купивший индульгенцию спасен и грехи будут разрешены... Доктор богословия и философии, августинского ордена монах Мартин Лютер восстал против этого злоупотребления в 1517 году и ясно доказал св. писанием, как подло и как противно истинному христианскому учению поступали папы...

Скажу, одним словом, что я в учение Лютера верю и смело отвергаю перед тобою и теперь отвергал перед нашим (ученым, носящим звание магистра богословия) священником учение нашей церкви там, где оно не согласно с лютеранством. Поспешно ли я поступил, не знаю, но я уже втайне лютеранин; явно нельзя, не лишившись по бесчеловечному русскому закону имущества и всех дворянских привилегий, а потому я обязан молчать, ибо несмотря на то, что Христос сказал: „продай имение свое и раздай нищим и следуй за мной", увы, я еще не так тверд в своей вере, чтобы решиться быть нищим за то, что не верю так, как верят наши митрополиты...

Петр. Твои понятия о вере так еще шатки, что Бог знает, ты можешь через несколько времени опять переменить свое мнение, я (впрочем, основываюсь на твоих доводах) сам хочу докопаться до истины; странно, до нынешнего лета мне ни разу не случалось задумываться о своей вере, христианин ли я, магометанин и т. п. Мои понятия о вере были ужасно запутаны, скорее я никаких понятий не имел, знал, что есть Бог и таинство Троицы, что глупо кланяться иконам, и все наше богослужение глупо, что много вздора в священном писании, например, что чорт повел Иисуса Христа на гору, с которой были видны все царства земные, и предложил отдать их ему с тем, чтоб Христос поклонился чорту и т. п....

Если верить во все, что сказано в св. писании, то трудно согласить это с рассудком, как сказание о Христе и чорте. Верить этому — вот что требуется от христианина, сомневаться запрещается, кажется; но вместе с тем есть бессмыслицы, всему не поверишь, а сомнение в одной истине поведет за собою сомнение в другом, и тогда придется отвергнуть все... Все это так темно, что я теряюсь в догадках...

Не помню, что я тебе сказал; кажется, что Лютер переменил учение Христа в некоторых

ние науку, искусство, а также и многие другие стороны проявления духа человека.

Существом же настоящей статьи была формула, что без равенства нет справедливости, а без справедливости нет нравственности.

Назанский

частях, действительно я не обдумал, что не Христос сочинил православную веру (которая, как я думаю, не вернее у всех; она у греков, должно быть была смешана с азиатскими обычаями, и наши послы выбрали ее за великолепие церковной службы); и потому я нахожу, что действительно сказал вздор.

Хотя я и согласен с твоими мнениями, но пороюсь сам в Евангелии и постараюсь проверить это, и хотя во всем с тобою согласен но не скоро еще скажу, что я лютеранин... Ты, как я думаю, поступил очень поспешно, теперь ты уже не уверен во многом, а кто поручится в том, что ты через несколько дней не найдешь еще предметы для сомнения, а в этом я уверен...

Александр. Я говорил уже тебе, что я часто имел с попом нашего корпуса богословские споры... В понедельник, 19-го (1857), затеял я с попом страстный и страшный диспут. Предметом спора, гласно производившегося перед всем классом, был основной догмат лютеранства, — об оправдании верой, — догмат, изученный мною превосходно... Я спорил с увлечением и тексты сыпались непрерывно. Тщетно старался батька меня опровергнуть... Но Господь помог мне, чтение богословия принесло мне пользу...

Но дело этим не кончилось. Известный тебе Мюнхеймер (он лютеранин) по глупости своей донес обо мне ротному командиру, что я много толкую о лютеранизме и смеюсь над православием. Ябеда неслыханная, за что было Мюнхеймеру и неслыханное избиение ото всей роты. Будущие через 170 дней офицеры, мои товарищи, низшие, все восстало против него и страшное избиение линейками и затрещинами продолжалось трое суток; ему не давали есть; его преследовали те самые, которые как упрямые ослы, несмотря на все мои доводы, против меня же восставали в течение трех месяцев. Ротный командир осмеял Мюнхеймера; самому мне ради смеха передал его странную жалобу.

На следующий день (Мюнхеймер) отправился к попу и донес про меня, что я ругаю православную церковь, публично проповедую лютеранство и т. п. истины. Попу, как сам он говорил после одному кадету, страсть как не понравилась эта ябеда, но как поп и как член православной церкви, он позвал меня и вот что высказал (говорю без метафор), бледный от бешенства и весь дрожащий от злости (передаю его слова **буквально,** я запомнил их хорошо, ибо тотчас же, как пришел в роту, рассказал кадетам): „Дело приняло, однако, дурной оборот; я думал, что вы говорили как дитя, а потому старался быть с вами кротким; но теперь вижу, что у вас система и последовательность в убеждениях, а потому вы хуже всякого разбойника. Если хоть слово громко выскажете вы в защиту лютеранской веры, я напишу про вас письмо Ростовцеву (начальник военно-учебных заведений) и вы будете выгнаны из корпуса. Вы ругаете православную веру, но вы не смеете этого делать, потому что вы — православный". Я отвечал: „пожалуй, вслух не стану говорить"...

Теперь я нахожусь с попом окончательно в ссоре: он растабарывал про меня, что я вредный человек, а потому я наговорил ему порядочно... С каждым днем, наперекор твоим догадкам, я более и более укрепляюсь в лютеранизме, но догмат о святых немного мешает...

Петр. Во время своего пребывания в Петербурге мачеха говорила мне, что ты помешался, что ругаешь „образа", кажется, дойдешь даже до того, что переменишь веру, что ходил в лютеранскую церковь, а в нашей не бываешь, что на шее образа не носишь п пр. и пр... Уж не хочешь ли ты объявить, что ты лютеранин, но подумай о последствиях: тебя выгонят из корпуса юнкеров. Ты будешь лишен по закону дворянства и всех прав состояния; тебя непременно угонят куда-нибудь в отдаленные губернии России; от отца смешно было бы чего-нибудь ожидать, он сочтет тебя богоотступником и только... Убедить их? — Это невозможно: сам Лютер бы этого не сделал, спорить попусту — это тратить слова и портить кровь. „Нельзя заставить осла пить, если он не хочет" (Франц. пословица)...

Теперь об очень важном вопросе: бессмертии души... Душа наша по смерти нашего тела, т. е. когда наши органы не могут ничего перерабатывать, переходит в животных или в людей после живущих и находящихся на других планетах. Под именем ада и рая мы должны понимать или блаженное или горестное состояние, которое душа наша будет находить в других телах — бедствие или счастье. Я верю, что может быть (наверное этого нельзя знать) жизнь наша в других телах будет наказанием или наградою за нашу жизнь на земле. Иконам я не поклоняюсь, понимаю, что это введено для того, чтобы действовать больше на умы необразованных людей...

Очень может быть, что Богу приятно видеть, что я жертвую на церковь бедную, конечно, чтобы приятнее было другому молиться сидя в хорошем храме, чем в том,где свистит ветер, и также он больше будет думать о молитве, если не думает об замерзших ногах. Но если я убью тебя, а после дам все имение, чтобы загладить это, принимая намерение вести лучшую жизнь, то это нимало мне не поможет. Об исповеди я думаю, что можно сказать или не

сказать своих грехов священнику. Если он и отпустит, то все равно что не отпустит, на все это я смотрю как на наружный обряд для того, чтобы вселить в нас больше уважения к святыне, больше укрепить в вере и т. п., одним словом для необразованных, как ты говоришь. Вот мое вероисповедание.

Я недавно читал сочинение французского философа Николаса: „Етюд философик сюр ло Кристианизм", и успел только прочесть доказательство существования Бога... Мои опровержения: 1. Кто создал все? — Для чего же предполагать что-то сверхестественное во всем, что мы видим. Планеты — это образовавшиеся из туманных пятен тела, они обращаются по законам физики и т. п. Все это совершается вследствие физических или химических свойств тел, ты спросишь: кто вложил эти свойства? Я отвечу: есть творящая сила, которая вложила их, но для чего же приписывать ей религиозные понятия. Если так, то обоготворяй уже силу пара, пороха и т. п. Я уверен, что это когда-нибудь объяснится, и тогда всякий увидит это ясно как день, но и теперь я не вижу, для чего мне поклоняться этой творящей силе. Религия утвердилась оттого, что прежде не находили ни на что объяснений.

2. Отчего у всех народов есть слово Бог? Это очень ясно: идет, например, дикарь, он видит солнце. „Странно, что это за штука", думает он, пробует сделать такую же, не может. Потом он сделал что-нибудь дурное, пошел ушибся, ему больно. „Отчего бы это?" думает он. Он сознает, что то, что он сделал, нехорошо, и думает, что кто-нибудь наказал его; он не может понять, между тем как нет ничего проще, как то, что солнце светит и что он ушибся об камень, на который наткнулся. Все, что он не может объяснить, как-то: зима, дождь, падение и т. п., он начинает почитать божеством...

Наш внутренний голос — вот вся наша религия, я думаю, тот, кто был так непорочен, что мог собрать все, что сказал внутренний голос, тот достоин уважения, поэтому я очень уважаю Иисуса, который собрал все, что говорит наш внутренний голос, здравый смысл.

Александр. ...Я не знаю, что с тобою, не могу понять, какая именно причина, что ты так поверхностно судишь о божестве и душе... Можно до поры до времени сомневаться во всех учениях о душе, но мешает ли это верить в бытие Бога?... Ты называешь Иисуса человеком; даже говоря о лютеранской церкви, ты имел притязание на эффект, сказав, что: „Все так мило, без лишних затей, точно несколько людей собрались хвалить человека, который делал им много добра". — Во-первых, это вздор, ибо лютеране молятся Богу-Иисусу, следовательно даже сравнение тут не идет; во-вторых, я похвал не вижу, когда пастор на коленях молит об отпущении грехов и пр.

Не большего внимания заслуживают и твои слова о внутреннем голосе, ибо, во-первых, Христос закона по себе не оставил; он только проповедывал поклонение Богу, — да восстановлял заповеди; следовательно, уважать его за собирание внушений внутреннего голоса нечего, во-вторых, слишком нагло это отзываться так высокомерно об Иисусе, для отрицания божественности коего ты не имеешь никаких доказательств... Все у тебя шатко и задорно, советую тебе подумать поболее о том, что я тебе написал, и не довольствоваться поверхностью, а вникать во все по возможности глубже...

Заблуждения были необходимы и в религии; само христианское учение, идеал всего истинного и доброго, когда дело идет о предлагаемых им идеях нравственности, может заключат в себе одну ложь — бессмертие. Заблуждения в нем необходимы, дабы было бы что отрицать, т. е. совершенствоваться. Если бы нужно было коснеть в религии, нужно было бы коснеть и везде, а следовательно не жить.

Странно звучит бессмертие, странно звучит и необходимость заблуждений в христианском учении. Не верится, что божество не нашло бы в своем творении честного исхода и, избегнув обмана, не могло бы учредить все как следует. Мы переживаем, Петя, очень важный духовный кризис, как выйдем из него — не знаю...

Филарет (Дроздов) — митрополит московский — кажется, умер, а если нет, то уж наверно умрет скоро, ибо он чрезвычайно опасно болен. Жаль, что Русь лишается своего единственного хорошего богослова: жаль мне, ибо по выходе в офицеры я намеревался с ним поговорить... Если бы не эта бесполезная в наше время духовная деятельность, имя Дроздова славилось бы на Руси по-иному, чем по проповедям да по образцовому знанию русского языка. Что было толку в том, что огромны были по всем этим отраслям познания Филарета, что эта голова имела здравый взгляд на вещи. Его риза закрывала от нас все его достоинства и они не принесли нам пользы. Если есть рай, то митрополит наш верно будет драть там глотку, восхваляя Вседержителя, во имя которого он на земле пил воду и ел просвирки. И верно Филарет будет не из последних крикунов на том, предполагаемом, свете.

Я помню, недавно еще я верил даже в необходимость посредничества святых; затем, если помнишь, я убедился в истинности одного лишь лютеранства; далее явилось отрицание бессмертия. Затем я стал отрицать обедни, таинства и стал признавать лишь то, что

Христос — Бог и нужно ему молиться... Теперь я уже признаю Христа лишь посланником Бога, простым человеком, хотя еще чрезвычайно сомневаюсь в справедливости последнего. Будущее покажет, как решу я этот последний важный пункт. Теперь я думаю в пользу божественности Христа... Думаю, что через месяц можно будет сказать что-нибудь определенное.

Думаю (но не убедился), что Христос был просто человек в высшей степени совершенный или же что он был посланная Богом небесная сила какая-нибудь для возобновления религии в человечестве. Убежден, что душа смертна и что, следовательно, не будет загробной жизни. Убежден, что для большинства обедня есть глупая обрядность, ибо по заученному да по известному порядку не всякій может молиться. Верю, что 4 Евангелия суть дивно нравственные произведения еврейской и греческой литературы, и что в них помещено вполне верное и правильно объясненное описание жизни на земле того самого, кого зовут все — Христом, иные Богом, иные человеком и т. д. Апокалипсис считаю бредом умного, но подверженного глупому экстазу человека, а послания апостолов — образцами нравственных поучений. Ветхий завет заключает много нравственных и исторических истин. Все, без исключения, христианские обряды отрицаю в их сущности. Но они позволимы для милых верующих.

Таковы мои теперешние убеждения, не ручаюсь за их продолжительность; напротив, я думаю даже, что скорое кое-что изменю...

Петр. О религии скажу тебе, что все, что я думал о ней, так спуталось в моей голове, что я решительно не знаю чему верить. Есть ли Бог в том смысле, как его нужно понимать по писанию? Положим, есть творящая сила, которая дала толчок, но следует ли поклоняться ей? Что-то не верится, чтобы она могла отклонить какое-нибудь несчастие и тому подобное.

Ты скажешь, что апостолы говорили о чудесах, совершившихся от веры видевшим это. Был ли Богом Иисус Христос? Доказательство — святость его учения, возвышенность, чудеса (см. Катехизис). Полно, может ли это быть доказательством? Святость, возвышенность — не доказательство, мне кажется. Чудеса? Не было ли это надувательство? Не врали ли апостолы и евангелисты для привлечения большего числа последователей... могли сказать: это случилось там-то, а кто скажет, это не случилось? Выищется ли кто-нибудь, чтобы сказать, что этого не было. Страна велика. Вспомни тогдашние сообщения, а наконец, если бы кто сказал, что чудеса враки, то это бы приписали ненависти к христианской вере, а то писатели бы (большой частью христиане) и умолчали. Те, которые слышали в первый раз учение и имели хотя малую долю здравого смысла и доброе сердце, были поражены его величием. По необразованности они поклонялись человеку, который мог написать такую гениальную вещь. — равенство всех, прощение обид, любовь к ближнему и пр., и пр., не стали бы верить, что кто-нибудь говорил, что враки чудеса. „Тот, кто написал это, может творить чудеса", вот что должны были они подумать. А между тем они должны благодарить тех апостолов (если мое предположение справедливо) за то, что они хотя и врали, но укоренили благодатный свет христианской веры. А впрочем Бог знает, может быть, я ошибаюсь, очень может быть...

Александр. Перехожу к бесконечному вопросу о религии; мне кажется, что мы исчерпали из нашей головы все, что можно было нам сказать об этих предметах, и что дело наше теперь — замолчать на время, пока новые впечатления и т. п., чего невозможно определить, не дадут нам новых взглядов...

Петр. Я читал недавно одно сочинение Классовского „О душевных болезнях" и там между прочим он говорит как доказательство бессмертия, что: у нас есть душа (этого ты не отвергаешь) , а из чего-нибудь не может сделаться **ничего,** следовательно душа не может быть смертною.

Вот другие доказательства, которые я вычитал из книги „Философские этюды о христианстве": 1) если мы имеем идею, понятие о бессмерти души, следовательно это есть на деле, потому что мы не можем иметь идеи о чем-нибудь, если этого нет. Но мне кажется, что это не так, потому что мы имеем понятие о призраках, а их нет. 2) Душа есть неразрывное целое, смерть есть разложение (конечно, не уничтожение, потому что во вселенной ничто не уничтожается и вселенная не увеличилась ни на 1 атом). Следовательно душа, умирая разлагается, а этого быть не может; верно ли это доказательство?... Мне кажется душа может разделиться, потому что ум, воля и чувство — часть души, а ум и чувство часто противоречат друг другу, следовательно душа не одно нераздельное целое. Я привел это потому, что ты, сколько помню из твоих писем, считаешь душу одним нераздельным целым...

Александр. Немецкий эмпирико-философ, гонимый, преследуемый Молешотт нанес, кажется, последний удар нематериальному миру. Он ясно доказал в своей книге „Круговорот жизни", что в животном мире нет ничего нематериального, доказал, что фосфор в мозгу

и деятельность последнего, т. е. мышление, прямо пропорциональны... Теперь я не нуждаюсь в нематериальном... Чуешь ли, какой при подобных убеждениях открывается кругозор, как твердеет под ногами почва? Да из чего заключил о бытии этой невидимой, нематериальной пресловутой души? „Кто видал это общество невесомых, говорит Герцен в „Письмах об изучении природы". Что ослепило человечество? — удивительно!

Итак, нет ничего, кроме материи. Она — все; долой идеализм! Я, брат, никак не могу расстаться с мыслью о том, как бы мне учредить около себя общество из 2, 3, или 4 смертных, с которыми я бы сходился в убеждениях и образе жизни. Шляться бы проповедывать, где можно, атеизм и материализм да возможность отречься от всех законов, обычаев и нравственных убеждений. (Письмо пемечено: 14 июня 1861 г. уже окончившим корпус А. Кропоткиным)...

(Комментарии в следующем номере)

Минчук

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

(Продолжение)

Анархисты в тюрьме составляли довольно влиятельную группу: чернознаменцы Саша Таратута (не смешивать его с Виктором Таратутой — известным большевиком, близко стоявшим к Ленину) и Москвич (студент) — неизменный староста политического коридора — задавали тон всему нашему содружеству. Среди анархистов преобладали террористы и эксисты. Впрочем, по подобным же делам содержались многие эсеры, максималисты и даже эсдеки (некоторые из последних, попавшись на эксе, отрекались от партии, прикрывались ярлыком индивидуалистов). В революционный период 1905 года все эти партии, загнанные в подполье, с целью самообороны прибегали к крайним революционным средствам в борьбе с царизмом. Террор и эксы тогда получили массовое распространение: в 1907 году, например, революционеры ликвидировали 1,231 представителя царской власти в ответ на подобные же массовые стольпинские казни и расправы с участниками революционного движения.

Чернознаменцы и социалисты очень часто спорили с анархистами-индивидуалистами. В этих спорах особенно неистовствовали индивидуалисты Шая Шавельзон и его „знаменоносец" Аба Шуб. Оба искусные спорщики. Низкорослый Шавельзон с большой выпуклой лысой головой, мог неустанно философствовать день и ночь, спорить с ним было очень трудно. Бунт его не только против людей, но и всех сил уничтожающих его личность природы. Индивид, по Шавельзону, не что иное как общественный организм в миниатюре, самоценен, самодовлеющ, не может служить пищей для прожорливого общественного брюха. Насилие против насилия, личный эксизм против общественного эксизма — обирательства налогами, эксплуатации человека человеком.

Общественники возражали против чрезмерной идеализации личности индивидуалистами, превращения ее в культ, недооценки значения общества, как источника жизни, творца культурных, материальных ценностей. Даже дерево, лишенное питательной среды, погибает. Еще очевиднее эта взаимозависимость человека и общества: индивид погибает, но общество сохраняется до каких то нам пока неизвестных пределов во времени, пространстве. Общество — надежный хранитель культурных ценностей, народного достояния, главный двигатель прогресса; личность же только трудовая пчела, вносящая свою долю благ в общую сокровищницу культур: силы, возможности ее ограничены...

Указывали индивидуалистам на то, что безвластный социализм не против полной свободы личности, и что разрешение этой проблемы возможно в условиях свободного коммунистического общества при изобилии предметов потребления, обеспечения довольства для всех, в котором предполагается исчезновение всякой стеснительной политической власти, и что даже в марксовом отмирании государства уже заметны зачатки будущего безвластного общества, переход от управления людьми к управлению вещами, общественными материальными ценностями. Вытеснение физического труда рабочего машинами, автоматизация индустрии, сельского хозяйства, общественных служб освободит человека от излишних, если не всех общественных обязанностей, свивальников, контроля над его действиями, поступками.

Индивидуалисты, однако, оставались непреклонными, игнорировали доводы оппонентов, не признавали поражения: искусный спорщик Шавельзон находил выход из любого положения, сыпал фразами как горохом, поражал противников язвительными замечаниями. Социалистически настроенная аудитория смотрела

на него, как на искусного фокусника, ловко жонглирующего шариками. Шавельзон и Шуб как бы демонстрировали воскресшее из гробниц древних Афин магическое искусство превращения дара слова в орудие издевательства над здравым смыслом.

В наших тюремных настроениях было много иллюзорного, фантастического, мы вызывали духов революции, которые потом надругались над нашими светлыми мечтами, превратили диктатуру в орудие порабощения народа, восстановили худшие традиции полицейского государства. А ведь было время, когда Ленин, его единомышленники обличали муравьевско-вешательскую политику Столыпина, требовали отмены смертной казни, протестовали против „столыпинских галстуков", и вдруг неожиданный поворот большевиков вправо на все сто градусов — возведение столыпинской политики в основу советского государства, превращение гонимых в гонителей...

В „родной" Минской тюрьме, в столице будущей Белорусской Советской Социалистической республики, были и представители этой, тогда зарождавшейся национальности, только что извлеченной из древних архивов на историческую арену усилиями появившейся белорусской интеллигенции. Роднила их с общей семьей политических — революционность, приверженность социализму. Программа Белорусской Социалистической Громады предусматривала конфискацию панских земель, ниспровержение царизма, культурную автономию, — требования, отвечавшие партийным установкам всех российских революционных партий.

Я близко сошелся с группой народных учителей Белорусского Учительского Союза, — ответвление Громады, один из которых — самый проворный, деловой — Я. Безмен (заведывал нелегальной почтой), жил со мной в одной камере. К нему часто заходили его товарищи по делу: задумчивый А. Богуш, два Мицкевича (тезки, не родственники); один из них — небольшой, с вандайковской бородкой, грустный Костусь Мицкевич (род. в 1882 г.) появлялся в камере с тетрадкой под мышкой. По ночам, когда тюрьма спала, он сочинял белорусские стихи, записывал в тетрадку, передавал нам на просмотр, утешение. В его изящных по стилю стихах отразились близкие моему сердцу — крестьянский быт с его большими горестями, маленькими радостями, картины меланхоличной белорусской природы, ласкающей, убаюкивающей, с ее журчащими крыницами, наклоненными вербами, как бы что-то выпрашивающими у резвых ручейков, с шагающими в болотах аистами, неустанными трелями неутомимых жаворонков над полосками трудолюбивого пахаря, — все это трогало, волновало, вызывало грустные настроения о потерянной воле.

Писать стихи Якуб Колас (наиболее популярный псевдоним К. Мицкевича, под которым он известен в белорусской литературе) начал в 12-летнем возрасте, еще до ареста, создав себе известность в молодой белорусской литературе талантливыми стихами, рассказами из народной жизни, печатавшимися в первой белорусской еженедельной газете „Наша Нива" в Вильне, основанной в 1905 году обелорусившимся великоросом-студентом Власовым (до этого белорусская, как и украинская литература была запрещена).

Якуб Колас — один из выдающихся теперь поэтов шевченковского жанра, обогативший возрожденную белорусскую литературу. Многие из его стихотворений, рассказов переведены на русский и другие иностранные языки. В военное время гневные, обличающие нацизм стихи Коласа не сходили со страниц советских столичных газет и журналов. Поэма его „Лютует Гитлер" из эпоса Второй мировой войны и другие боевые и талантливые стихи принесли ему всероссийскую известность, были дважды удостоены Сталинской премии (в них, разумеется, не обошлось без воскурения фимиама „отцу народов", как это полагалось всем в эпоху культа личности), автора их возвели в ранг вице-президента Белорусской академии наук, украсили орденами, почетными званиями — чудесное превращение тщедушного народного учителя, недавнего узника царской тюрьмы в важного советского академика и сановника.

Контрастна судьба соратника и ровесника Коласа — тоже белорусского поэта Янка Купала (Луцевича), орденоносца и лауреата, но попавшего в опалу, покончившего самоубийством в Москве в 1942 году. Советская Большая энциклопедия умалчивает о трагической развязке своего может быть невольного певца, лаконически отмеченной, однако, Ильей Эренбургом в своих воспоминаниях „Люди, годы, жизнь" („Новый мир", январь 1963): „Я сидел в своем номере, когда в коридоре раздались крики. Я выбежал в коридор и узнал, что с верхнего этажа в пролет лестницы упал поэт Янка Купала"... И все — песне конец...

Преждевременно ушел из жизни еще один узник — белорусский поэт Алесь Гарун (Александр Прушинский, минчанин, эсер-максималист, умерший в Берлине в 1920 году). После революции, вернувшись из сибирской ссылки, входил в состав белорусской делегации во Всероссийское Учредительное собрание, разогнанное большевиками. В программах всех социалистических партий Учредительному собранию придавалось какое то магическое значение: это тот „барин (народ), который все рассудит", скажет окончательное слово. Револю-

ционные партии жонглировали этим лозунгом для устрашения, посрамления политических конкурентов. Керенский лавировал, медлил с созывом „Учредиловки", а Ленин и Троцкий упрекали его в измене революции, вопили о том, что без Учредительного собрания погибает Россия.

Когда 18 января 1918 года оно все-таки собралось, у Ленина оказалось только 168 голосов из 703-х, а эсеры в большинстве. Ленин ухватился за револьвер (какой то матрос вытащил у него из кармана револьвер, но вора нашли, и тут же в Таврическом саду расстреляли). Проигрыш в избирательной игре не смутил Ленина: подвела идеология — выручит автомат, и к услугам Ильича появился Анатолий Железняков (Железняк?) со своим отрядом матросов. Подойдя ко полусонному председательствовавшему эсеру В. Чернову, он дернул его за рукав, подал знак расходиться. Велеречивый Чернов был безоружен, а у Железнякова — автомат... „Учредиловка" скончалась по церковной формуле: „без пролития крови". Впрочем, утром в Петрограде при разгоне манифестантов кое-кого угробили и ранили. Протестовал М. Горький против подобных варварских расправ, а потом переметнулся к Ленину...

Дыбенко (своими же расстрелян в 1938 году), Ворошилов, Бонч-Бруевич, тоже причастные к разгону, подняли на щит Железнякова после его загадочной смерти в 1919 году, восхваляли этого ленинского анархиста (без обычного у большевиков в таких случаях прилагательного — „мелкобуржуазный революционер" — эпитет, прилагаемый ими даже к Бакунину и Кропоткину — сами они, надо думать, „крупнобуржуазные революционеры", планетарные или чего-доброго — космические)... Ленин использовал этого недалекого, липового анархиста в противонародных целях не допустил черного передела, прирезки земли крестьянам, как намечалось эсерами в Учредительном собрании. Ленин не только не увеличил крестьянских наделов, а отобрал их у крестьян в пользу государства, обрек независимых землеробов на колхозное и совхозное батрачество. Железняков помог компартии, а не народу. Революционерам этого типа следовало бы не забывать поговорки: „Не лезь в пекло поперед батьки"...

Ожидал отправки на каторгу молодой поэт-бундовец Г. Лейвик (Гальперн) из г. Игумена. В Нью Йорке, куда он пробрался из сибирской ссылки, Лейвик создал себе известность в еврейской и английской литературе, как поэт, драматург, публицист (умер в прошлом году, в Нью Йорке)...

Помнится еще один узник-поэт Анатолий Зимионко, „который смеется звонко" — так он отрекомендовался при встрече со мной. Весельчак, балагур, прекрасный декламатор. Одно время служил секретарем у эксцентричного минского адвоката Амброшкевича — гласного городской думы, который, в пику местной дворянской знати, разъезжал по городу в карете с кучером-дворянином на козлах, одетым в мундир, при шпаге, в дворянской фуражке с красным околышем и кокардой.

Минский губернатор Курлов — кавалергард, карьерист — пресек, однако, эти шалости пана Амброшкевича. Губернатор управлял своей сатрапией по формуле: „патронов не жалеть": улицы Минска были обагрены кровью манифестантов, возликовавших в связи с манифестом 17 октября 1905 года, даровавшим конституцию, которую ни царь, ни курловы не собирались соблюдать (80 убитых и около 300 раненых). В Минске Курлов отличился еще и тем, что с помощью агента-провокатора студентки Жущенко, сам устроил фиктивное покушение на собственную персону: данную ей революционерами бомбу обезвредели в охранном отделении, и уже холостая, без запальника она была брошена в карету Курлова, подхвачена им на лету. Инцидент был изображен как чудесное спасение губернатора от руки революционера-террориста: Курлов надул и своих, и революционеров. В Петербурге Курлов снюхался с Распутиным и придворной кликой, возненавидившими Столыпина за угрозу „старцу" высылкой из столицы. Курлов метил в министры, вел какую то темную игру, окончившуюся убийством Столыпина, порученного его охране в Киеве.

В тяжелые годы гражданской завирюхи получил я от Анатолия Зимионко из Минска унылую весточку: „Лютый голод так донимает, — извещалось в письме, что хочется подошву грызть". Мы, узники, мечтавшие в тюрьме о революции, не предвидели последствий ее. Пришел мне тогда на память стишок Демьяна Бедного о бабушке, бранившей революцию:

Крепко бабушка Нинила,
Революцию бранила
— Батюшки.
Вот свобода, так свобода,
Нету хлеба у народа!
— Матушки.

Я, разумеется, не забыл своего старого дружка, послал ему кое-что от своих американских достатков. Потом связь с ним оборвалась. Уцелел ли этот, неунывающий, изворотливый человек, не терявшийся в самых трудных обстоятельствах?

Из других заключенных вспоминаются: почтенный народоволец-эсер Бонч-Осмоловский

— помещик имения Блонь, Игуменского уезда, которое у властей пользовалось репутацией ,,гнезда революционной заразы". Его участь разделяли жена, сын-студент и несколько крестьян из окрестных деревень. Шестимесячное заключение отбывал капитан Д. Бохан — сын генерала, редактор минской ежедневной газеты Тасьмана ,,Минский голос" — он преступил какое то цензурное правило губернатора. Строго охряняли эсера Жаба — руководителя забастовки железнодорожников, которому приписывалось попытка захвата власти в Минске, власти приклеили ему ярлык ,,красного губернатора". Коротала свои дни в неволе группа воспитанников местной духовной семинарии, отпраздновавших царский манифест разгромом квартир ректора — архимандрита и инспектора. Студенты Сарнов, Саша Самохвалов, Тунман (теперь аптекарь в Бронксе), бежавший с ним из Сибири Васька Кучинский, эсдек, ораторствующий в парке на 6-й улице; пэпэсовец-варшавяк Болесь, развлекавший нас анекдотами о древних польских королях Пястах, мы гоготали, поминали недобрым словом родословную царей. Он мастерски исполнял марш польских народовцев:

Москва сень вали,
Петербург сень пали.
О, матка Боска —
Выпендзь пэпэсовцев,
Зостав Польще народовцев:
Бо народовцы вежа в матку Боску,
А пэпэсовцы — в матушку Козловску...

(последняя — мариавитка, основательница антиримского народного костела). Но Москва устояла, а ,,повалили" немцы Варшаву и ,,москалям" пришлось освобождать, востанавливать ее. Не все так сбывается, как поется в марше ,,народовцев"...

Молодой Яша — бывший тенор одной из одесских синагог, потешал нас еврейскими частушками, а мы ему хором подпевали:

Авремчик у меламед,
Авремчик у маламед!

(у учителя в хедере), а к его другим частушкам; ,,Ой, хавер! Ой, хавер! (товарищ!)...

В калейдоскопе моего прошлого все еще мелькают образы, лица дорогих мне страдальцев-узников, меня от них отделяет более чем полувековая давность, хотя кажется, что каждого из этих людей, с которыми пришлось бедствовать и сталкиваться в повседневной тюремной жизни, при встрече я мог бы опознать, как товарищей по несчастью, но из моей старческой памяти выпали многие славные имена и дела, и они остаются навсегда потерянными.

Заканчиваю эту печальную повесть, как и начал, строфой из популярного у заключенных стихотворения В. Брюсова:

— Каменщик, каменщик с верной лопатой,
Кто же в ней (тюрьме) будет рыдать?
— Верно, не ты и не твой брат богатый, —
Незачем вам воровать...

(Продолжение следует)

М. Р-н.

ЗАДАЧИ РАБОЧЕГО

Социалистическая и анархическая критика в течении столетий разбирает с самых различных точек зрения буржуазно-капиталистический строй, и ей удалось показать его недостатки с такой силой, что защищать его серьезно может человек только или неумный, или недобросовестный. Эта критика выяснила невозможное, несправедливое положение трудящихся при капиталистическом способе производства, при господстве рынка и свирепой конкуренции с одной стороны и полной необеспеченности, полной безпомощности трудящегося, с другой. В борьбе за существование, происходящей при капитализме, рабочий стоит с голыми руками против закованного в броню, с ног до головы вооруженного собственника. И вот по всей земле проносится призыв: **трудящиеся, соединяйтесь.**

Вперед на борьбу за светлое будущее, за свободу, за счастье, на борьбу за новый строй жизни, в котором не будет господ и рабов, эксплуатации и угнетения... Но Кропоткин правильно указал, что для освобождения мало еще бороться против старого, надо знать еще и то новое, за что происходит борьба. Длинный ряд революций окончился ничем для трудящихся потому, что трудящиеся не имели ясного представления о том, за что они боролись. Трудящиеся похожи на путника пробирающегося сквозь дремучий лес в обетованную землю. Лес полон опасностей, дикие звери стерегут путника, разбойники поджидают его, чтобы захватить и превратить его в своего раба. И горе путнику, если он зазевается или поддастся на обманные речи врага — он потеряет жизнь или сделается рабом лихого человека. Вот таким то лихими людьми для рабочего и являются всевозможные политиканы. Каждый из них только того и добивается, чтобы рабочий отдал ему самого себя. И как только это про-

исходит, так забываются все обещания и посулы, политикан садится на доверившийся ему народ верхом и сбрасывает ненужную ему теперь маску. Теперь когда власть в его руках, он не церемонится и становится таким же насильником и эксплоататором, как и тот, от которого рабочему только что удалось освободиться. Царя в России сменили большевики, но для трудящегося от этого не стало легче. А между тем, такие роковые ошибки не могут не повторяться до тех пор, пока каждый не сознает, что никогда и никому нельзя отдавать в руки свою свободу. Как только мы поручим кому либо другому защищать и отстаивать нашу свободу, то сразу же мы отдадим себя с головой в чужие руки. И будут ли это руки партии, или одного человека — как бы он не уверял нас в своей любви к нам — все равно он опьянеет от власти и заставит нас в конце концов — плясать по его дудке, под ударами его же скорпионов. Поэтому, единственным нашим лозунгом должен быть лозунг: никогда никакого правительства, никогда никакой власти.

Но чего же нужно рабочему? Может быть благосостояния? Или свободы труда? Или права на труд? Или еще чего нибудь? Всевозможные социалисты разсуждают о том, что когда они создадут будущее государство, то что надо будет дать рабочим? Синдикалисты обещают ему власть над производством, как представителю труда, распоряжение трудом и т. д. Лавочек много и в них разложено много разнообразного товара. На какой же из этих товаров соблазнится рабочий, на крючке какой удочки он повиснет? Так или иначе, но товар в этих лавочках поддельный, и что бы мы не выбрали — нас надуют. Чтобы не попасться на удочку, надо яснее себе представлять то, чего мы хотим и как отличить настоящее золото от подделки. Но для этого надо знать за кого мы боремся, в защиту чьих интересов мы выступаем? В защиту рабочего, крестьянина, буржуа, интеллигента, собственника, пролетария?... Нет, всегда и везде мы выступаем на защиту только и только человека. Мы боремся за него и только за него, за его поруганное достоинство — ибо рабочий или крестьянин, как таковые, могут быть нисколько не лучше буржуа. В том то и состоит проклятие капиталистического строя, что этот строй превращает человека в придаток к машине, превращает человека в орудие. Поэтому, если бороться против рабства капиталистического общества, то уж во всяком случае не ради другого рабства, хотя бы и менее ужасного. Борьба должна вестись за полное раскрепощение человечества от всяких форм зависимости, унижающей его. Свободным должен стать не рабочий или крестьянин, — но человек. Поэтому целью борьбы должна быть полная свобода человека и потому всякий раз, когда призывают к борьбе за то или другое частичное улучшение, то за этим всегда кроется ловушка и, принимая такое улучшение, завоевывая его, рабочий должен быть на стороже, он должен не успокаиваться на этом, но пользоваться завоеванным, как средством для дальнейших завоеваний. Трудящийся должен почувствовать в себе не раба, вымаливающего для себя подачки от судьбы и обстоятельств, но человека, гордого, с знанием своего человеческого достоинства, потому, что только при этих условиях он победит самого страшного своего врага — внутреннее рабство, боязнь показаться чрезмерным в своих требованиях. Царство человека — безконечность и безконечными должны быть его достижения. Каждый человек должен сознать в себе этот факт и сознать его правильно, т. е. понимая, что полная свобода и безпредельность стремлений каждого, при правильном их понимании, встречают опору и поддержку в полной свободе и безпредельности стремлений других людей и, что только при узком и неправильном понимании, понимании эгоистическом, происходит не взаимная помощь, но взаимоистребление и безпощадная борьба за власть. Только при таком понимании своих задач, можно не бояться быть обманутым всевозможными политиканами. Пусть же никто никогда не отдает своей свободы, своего самоопределения в чужие руки, хотя бы даже самые бархатные, ибо, как только эти руки почувствуют власть, у них вырастут кошачьи когти, человек же, отдавшй право распоряжаться собой в чужие руки, перестает с этого времени быть цельным человеком — он превращается в раба. Только анархизм и его свободное союзы могут быть действительным орудием освобождения, для того чтобы человек мог развернуть свою мощь в гигантском стремлении к красоте и счастью.

А. А. С.

ПОЧЕМУ ЭТО ТАК?

За последние десятилетия люди науку и технику довели до кульминационных высот. Еще не так давно (например , в конце прошлого столетия) если бы человек начал разсуждать о полете на иную планету или вокруг земли, то его отправили бы в психиатрическую лечебницу для определения умственных способносте, а в 18 веке — сожгли бы на костре или чет-

вертовали бы за ересь. Сейчас же летают не то, что вокруг земли, а собираются посетить луну и установить там научные приборы.

Если не так давно люди передвигались в дилижансах, в рыдванах, каретах, телегах и прочих, подобных им транспортных сооружениях со скоростью „трух-трух-трух", тратив на поездку месяцы, то ныне изобретены летальные машины, кои за несколько часов могут доставить человека из одной страны в другую.

Если не так давно „сифилис" считался неизлечимой болезней, то сейчас он стоит на одной линии с простым насморком. Медицина не отстает от техники и совершает чудеса, вплоть до пересадок почек, селезенки, вплоть до хирургического вмешательства в сердечную область... Всюду проникает техника и научные изобретения. Новыми удобрениями делают плодородной песчаную землю, повышают урожай скрещиванием разнородных видов, выращивают совсем новые, никогда невиданные плоды. Если наши домашние хозяйки когда-то мучились у плиты, в отапливании помещения, в стирке, мойке и пр. то сейчас, одним нажимом кнопки появляется свет, приходит тепло, зажигается плита, печка, нагревается утюг и т. д. и т. д.

Не отстает от науки и техники и искусство. Цирковые номера дошли до такой виртуозности, что зритель просто не верит, что перед ним находится человек, исполняющий номера, которые раньше считались бы чудом или колдовством. Прогрессирует балет, опера, эстрада... И, казалось бы, что при такой помощи человеку со стороны науки, техники, искусства, — люди должны были бы соединиться в одну дружную братскую семью.

Но в действительности этого нет. В действительности наше общество похоже на семью, в которой царит лишь вражда, ругань, драки... Если посмотреть кругом, что делается на свете то жить становится страшно, от той ненависти, вражды, злобы, жадности, скупости, нетерпимости, которые царят среди людей, изгнавших из своего бытового обихода милосердие, солидарность товарищество, любовь, веру... Нет в мире такой страны, где бы царила всеобщая справедливость и равенство. Нет семьи, в которой было бы равенство. И нет государства, в котором процветало бы общее довольство. По статистике — три четверти населения в мире находится на полуголодном существовании. В азиатских странах (да и в европейских) благодаря экономической градации среди населения, много детей бездомных, голодных, больных. Особенно славится детской необеспеченностью Китай, Индия, Корея... Да что ходить далеко? — В четырех американских штатах, по данным Всемирного фонда помощи детям, последние форменным образом нищенствуют, не имея ни надлежащей одежды, ни надлежащего пропитания.

Наряду с этим царит во всех странах детская преступность, детский разврат. Как финал к этому всеобщему духовному маразму, стоит угроза всеобщаго истребления водородно-атомными бомбами, которыми спешат запастись правительства почти всех стран. Духовенство не уступает светским властям. Открываются храмы, начинается борьба между юрисдикциями, втягивая в эту вражду своих прихожан, которые становятся врагами друг другу. Организуется политическая группировка, — начинают костить на чем свет стоит, своих противником по идеологии. Люди всех сословий и наций, всех возрастов, теряют человеческое достоинство и облик, превращаясь... даже трудно определить во что современный „культурный" человек превращается в своем духовном маразме. Даже животным его нельзя назвать, поскольку и у животных есть чувство солидарности и дружбы друг к другу. В чем же тут дело? Почему, по какой причине, человечество стало на краю бездны своего духовного падения? Ведь если человек в усовершенствованных бытовых условиях пребывает, его и нервы должны быть в порядке, и душевный покой, и любовь к его соседям должна быть. Получается наоборот. Находясь в сравнительно благополучной обстановке, человек приобретает чуть ли не волчий инстинкт к своему собрату. Все наши социалистические доктрины свидетельствовали, что переродить человека сможет только всеобщее довольство. Тогда мол только осуществится Равенство, Братство и Свобода, — лозунг, за который во всех странах, во всех веках погибло на каторге, в тюрьмах, на эшафотах тысячи людей.

Конкретно. Есть-ли в США довольство? Есть. Если не всеобщее, то все же есть. Но и там, где оно есть, нет ни равенства, ни братства, ни простой солидарности. Почему? В чем причина? Не знаю, что скажет читатель, но по моему, вся причина во.... власти. В СССР самая демократическая власть, диктатура рабочих и крестьян, класса, который раньше влачил рабское существование. Какова же там государственная система? Произвол и тирания там такая, какой не было в истории, за все время существования нашей планеты. И там градация, и там неравенство. И там — верхи и низы.

Люди привыкли иметь над собой опекуна, они не мыслят остаться без него. А выбранные или назначенные опекуны, в лице ли „вождей", президентов, королей, князей, патриархов — как только усядутся на свой трон, тотчас же начинают руководствоваться велениями своей партии, своего клана, своего разума, ничего общего с желаниями народа не имеющи-

ми. Этот отрыв от массы и создает в государстве систему, которая в свою очередь порождает условия полнейшей градации между гражданами, отражаясь на благополучии всего быта.

Мы в России, после революции, убедились на практике как власть, право власти, портит человека, перерождает его. Убедились на районных партийных секретарях, на председателях, лишь вчера за версту снимавших свою шапку перед деревенским начальством, а сегодня не считающих даже своих соседей за друзей, смотрящих на них свысока, как ниже стоящих. Вот из таких и получаются держиморды на местах и в центрах. На верхах главное внимание при назначении партийца на должность в село, или же в городе, обращается на его партийный билет, а не на квалификацию...

Не то же самое и здесь, в Америке? Президент-демократ стремится к проведению реформ, согласно программы своей партии, а республиканец-президент — согласно программы своего политического клана.

Эта партийная сивистопляска и создает в стране ненормальную систему.

Не далеко уходят от этих партийных владык и монархи, заботящиеся только о своем довольстве и довольстве своих приверженцев. Да и сам „безгрешный" папа римский, во дворце которого, в Ватикане, столько драгоценностей, что этим богатством можно было бы прокормить всю Италию, не лучше поступает.

„Власть портит человека". Вот аксиома, высказанная в свое время анархическим мыслителем.

Когда в обыкновенной людской семье отец или дед — деспот, в этой семье нет любви и дружбы. Человечество наше и есть семья людская. И пока в этой семье буду царить деспоты, порядка и толку в мире не будет.

Я знаю заранее, что мой друг В. Ф. Свида, по прочтении этой статьи задаст мне вопрос: — „А что вы предлагаете конкретного".

Отвечаю, словами Макса Штирнера:

„Я ничего не предлагаю... я только излагаю".

Ожидаю, что читатели журнала откликнутся и ответят чем можно оздоровить нашу жизнь?

А. Вольный

ПОЧЕМУ МЫ АНАРХИСТЫ?

(Из „Хлеб и Воля")

1) Потому, что мы, прилагаем к жизни общества тот принцип, который мы находим в природе, — непрерывное, безконечное и всесторонное разнообразие, видим, что только философское мировоззрение анархизма не противоречит этому принципу и открывает перед нами широкие горизонты гармонического развития общества и его движения вперед.

2) Мы знаем, что при бесконечном развитии всех наук, в том числе и общественных, должно наступить такое время, когда наш идеал общественной жизни — анархия, как мы ее понимаем теперь, не будет удовлетворять требованиям человечества, но вместе с тем мы уверены в том, что, работая уже в настоящее время для достижения полного счастья личности, содействуя росту свободной инициативы и духу солидарности всех, мы без малейшого ущерба и сомнения, которое мы можем встретить на нашем пути, теперь уже, т. е. в настоящее время, содействуем движению общества вперед.

3) Общественные науки, подобно другим наукам, не отвечают, и при бесконечном движении вперед никогда не будут отвечать на все намеченные теперь и в будущем вопросы, но наметив известное направление, работают и ищут их разрешения; причем в этой работе принимают посильное участие не только анархисты, но и все простые смертные. Поэтому мы считаем вполне возможным и даже необходимым работать, не дожидаясь времени, когда спорных вопросов не будет, и не ограничиваясь одной бесспорной областью.

4) Потому что анархизм требует полного счастья каждой личности, следовательно, полного счастья всех, и главное, не допускает несчастья хотя бы одного человека, так как, при общей зависимости людей друг от друга, причину его несчастья пришлось бы искать в неустройстве всего общества.

5) Потому что анархизм, высоко ценя личность, признавая за ней полное право на счастье, вызывает тем самым к деятельности все силы заложенные в ней природой.

6) Мы считаем, что при устройстве общества на началах безгосударственного Коммунизма, развитие всех сил каждой отдельной личности не только не может вредить другим, но напротив послужит тем самым наивысшему и наибольшему счастью людей.

7) Мы находим, что до сих пор ни одна наука не только не противоречит возможности достижения наших стремлений, но напротив подтверждает нашу уверенность в их осуществлении.

8) Мы отрицаем неизбежность такого устрой-

ства общества, где одни люди будут считать себя почему то выше других и смогут считать себя счастливыми, сажая друг друга в тюрьмы. Вообще, по нашему мнению, не может быть счастья в таком обществе, где будет возможность для одних, во имя каких бы то ни было мотивов, распоряжаться в чем бы то ни было другими. Мы даже считаем, что при подобных условиях общежития никому не может быть хорошо, так как такое общественное устройство только поддерживает и усиливает дисгармонию среди людей.

А. А. КАРЕЛИН

(К 100 летию со дня рождения)

Аполлон Андреевич Карелин родился в 1863 .г в Петербурге в интеллигентной семье. Его отец был художником, а мать — учительницей. В начале 1870-х годов его родители переехали на жительство в Нижний Новгород. Здесь Карелин учился несколько лет в гимназии, которую окончил в 1882 г. По окончании нижегородской гимназии он поступил на юридический факультет Петербургского университета и в 1888 г. выдержал экзамен на кандидата юридических наук.

Еще на гимназической скамье Карелин начал интересоваться рабочим движением и политическими вопросами, принимая деятельное участие в „кружках", а в студенческие годы он вел уже социалистическую пропаганду среди студентов и рабочих. В это время началась и его литературная деятельность. Он стал помещать статьи по рабочему вопросу в журналах „Русская Мысль" и „Северный Вестник". В 1893 г. он издал в Петербурге свою первую брошюру: „Общинное владение в России", а в следующем году он выпустил книгу: „Краткое изложение политической экономии", пере изданную в 1917 г. Федерацией Союзов Русских Рабочих Соед. Штатов и Канады.

Карелину было только 19 лет когда он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость по делу убийства народовольцами — террористами Александра 2-го, хотя он никакого участия в цареубийстве не принимал. Благодаря большим связям и ходатайствам его родителей он, однако, был скоро освобожден из тюрьмы. Но после этого он опять был арестован за пропаганду и сослан в ссылку. В Сибири он одно время занимался адвокатурой и сотрудничал в нелегальных журналах. В 1908 г. он эмигрировал во Францию и поселился в Париже. Здесь и сложилось его анархическое мировозрение. В 1910 г. он начал редактировать журнал „Вольная Община", а затем сотрудничал в других русских анархических журналах, как „Хлеб и Воля", „Голос Труда" и др.

Начиная с марта 1911 г., он стал постоянным сотрудником ньюйоркского „Голос Труда" (ежемесячного и еженедельного изданий) и в течении 4-х лет помещал в нем статьи под разными псевдонимами; некоторые из его многочисленных статей были помещены передовыми. В Америке были изданы и широко распространены его следующие брошюры: „Враги и дррузья крестьян", „Рабочее дело", „Можно-ли обойтись без власти?" „Задачи социальной революции", „Вольный город" и „Вольная деревня".

В середине 1916 г. Союз Русских Рабочих г. Нью Йорка начал издавать ежемесячный журнал „Рабочая Мысль" — орган вольных рабочих Америки. Этот журнал издавался около года и заполнялся почти всецело статьями Карелина, писавшего под разными псевдонимами. Журнал перестал выходить вскоре после русской революции 1917 г.

В августе 1917 г. Карелин оставил Париж и возвратился в Россию. В Петербурге он принимал близкое участие в издании анархической газеты „Буревестник", для которой написал много статей, и часто выступал с лекциями и докладами по вопросам рабочего и анархического движения.

Пробыв в Петербурге несколько месяцев, Карелин в 1918 г. переехал в Москву. Здесь он принимал активное участие в деятельности „Всероссийской Федерации Анархистов", являясь все время членом ее секретариата. Он сотрудничал в московской ежедневной газете „Анархия" и в других анархических журналах и газетах. К этому времени относится издание в Москве его книги: „Государство и анархисты".

Как и большинство русских анархистов, Карелин верил, что большевистский переворот 1917 г. является началом социальной революции. Но начавшийся большевистский террор против анархистов и социалистов скоро рассеял все иллюзии, убедив его в изменничестве и реакционности новых властителей.

В последние годы жизни Карелин сотрудничал в „Американских Известиях", в „Волне" и в „Рассвете", а также и в аргентинском ежемесячнике „Голос Труда". В этих изданиях он поместил много важных статей; из них одна нашумевшая статья под названием: „Против смертной казни", которая была издана Профсоюзом в Детройте еще при жизни автора отдельной брошюрой. Аполлон Андреевич Карелин умер в Москве в марте 1926 г.

Л. Л.

СИЛЬНЫЙ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ПАЛКЕ

В политической области, ближайшая и очередная задача анархизма — борьба против всякой диктатуры, какого бы происхождения она ни была. Если мы считаем, что политическое будущее человечества — в свободном, безгосударственом обществе, то для нас очевидно, что не на пути диктатуры разрешаются вопросы, поставленные „кризисом парламентаризма". В связи с этим ведутся часто вокруг нас, да и в нашей среде, довольно хаотические споры о демократии. Как это ни странно, но демократия в глазах некоторых отождествляется не только с парламентаризмом, но даже... с господством буржуазии! Совершенно забывают, что такие факты исторической политической эволюции, как уравнение политических прав, усиление общественного контроля над властью, замена монархий республиками, расширение свободы слова, печати, партий, организаций и т. д. — все это завоевания демократической идеи, идеи свободы и политического равенства. Если буржуазия, при своем зарождении, явилась защитницею этих идей, то конечно не потому, что между ними и ее экономическим господством существовала внутренняя неразрываня связь, а потому, что сословный слой, с господством аристократии, ставил ее в положение подчиненного класса, безправного „третьего сословия". Как угнетенные религии всегда являются защитницами свободы совести, так и угнетенные сословия и классы всегда борятся за политическое и юридическое равенство, что не мешает им, когда победа достанется им, в свою очередь нарушать все те принципы, за которые они так горячо ратовали. Но от этого ни свобода, ни равенство, ни веротерпимость не перестают быть необходимыми требованиями человечества в его развитии. Идеал безгосударственного общества анархистов есть в сущности не что иное, как максимум развития демократических принципов, действительное, а не юридическое, не формальное только, торжество свободы. Поэтому, когда говорят, что анархисты отрицают демократию, то этим вскрывают слишком упрощенный способ выражения, который рискует повести к самым грубым ошибкам. Анархисты не демократию отрицают, а всякую государственность, даже демократическую, потому что и она дает только фикцию: представительное правление, которое анархисты стремляться заменить действительным самоуправлением, т. е. свободным соглашением. Отношение анархистов к современной демократии совершенно обратно отношению идеологов диктатуры. Одни говорят: „современная демократия дает лишь фикцию свободы и самоуправления, будем бороться за их действительное осуществление"; другие говорят: „демократия полна недостатков, а потому выбросим за борт всякую свободу и всякое самоуправление вообще".

Режим диктатуры — особенно диктатуры революционной — выдвинул вопрос о праве революционеров ограничивать свободу своих идейнх противников. Оговоримся: речь идет не о праве самозащиты, с оружием в руках если нужно, от вооруженного нападения: это право — и даже этот долг — неоспоримы. Нет, речь идет о другом: в обществе, где превосходство сил оказалось на стороне революционеров, можно ли оправдать запрещение газет противников, их собраний, их организаций, вообще запрещение их пропаганды? Собственно, для анархистов казалось бы диким ставить такой вопрос, но чего не бывает в наше парадоксальное время? Мы знаем, как определенно и самодержавно отвечают на этот вопрос большевики, и мы знаем — к стыду своему — что есть анархисты, оправдывающие весь этот деспотизм соображениями какой-то революционной необходимости. Но одно из двух: или мы считаем, что сильная власть может вести человечество вперед — и тогда мы — не анархисты, а сторонники „просвещенного деспотизма"; или, если слово „анархизм" имеет для нас какое-нибудь содержание, если мы расчитываем в развитии человечества, на его самодеятельность, на развитие личной и общественной инициативы, на благотворное действие новой, изменившейся среды — тогда мы не можем ни в какой момент и ни в какой мере мириться с приемами диктатуры. Наше отношение к политическим врагам может быть тогда только одно — то, которое так красноречиво выразил, кажется, Вольтер: „Ваши идеи мне ненавистны, но я сделаю все для того, чтобы вы могли беспрепятствено распространять их". А если кто нибудь из мало продумавших этот вопрос товарищей возразит: „Это — вредное для революции прекраснодушие", то мы спросим его: „Если то, что составляет самую душу анархизма кажется вам вредным, то почему вы — анархист? И в чем ваш анархизм?"

М. Корн

ПОКУПАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ АНАРХИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В АМЕРИКЕ „ДТП"

УКРАИНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В СССР

Царь Никита жил когда-то
Славно, мирно и богато,
Не творя добра и зла,
И земля его цвела...
А. Пушкин

Это был почти анархиствующий царь китайского образца — неучастия в правлении. Наш советский царь Никита Сергеевич очень уж болтлив, изводит честных людей своими семимильными речами (сколько напрасного времени потрачено на одно их прочтение!), очень щедр на обещания будущих благ (коммунизм — точно, определенно в 20 лет), а сомневающимся, требующим этих благ теперь, не в будущем, а в нынешнем веке — анафема, тернии и скорпионы.

В пору ежовщины Хрущев уже подвизался в Москве в качестве одного из подручников Сталина. Он, например, руководил кампанией по выборам диктатора в члены Верховного совета и в „Известиях" 12 декабря 1937 года назван „соратником" Сталина. На предвыборном собрании в Большом театре Сталин отпускает комплимент в адрес Хрущева: „...признаться я не имел намерения выступать, — ломается перед аудиторией диктатор, — но наш уважаемый Никита Сергеевич, можно сказать, силком притащил меня сюда, на собрание: скажи, говорит, хорошую речь..." Речь была коротенькая, путаная, хвастливая — больше аплодировали, кричали „Ура!", чем говорил диктатор, в общем была разыграна сцена „массового энтузиазма", вызванного лицезрением „гениального вождя". И все это было поставлено в заслугу старательному Никите Сергеевичу, занесено в его актив...

Хрущев — креатура Сталина, он вытащил его из „грязи в князи". Без Сталина не было бы Хрущева, и хотя он унижался, получал пинки, трепетал перед „отцом народов", но в день его похорон горько плакал. „Когда хоронили Сталина, — заявляет Хрущев в речи 8 марта („Правда", 10 марта 1963), — то у многих, в том числе и у меня, были слезы на глазах. Это были искренние слезы, хотя мы и знали о некоторых личных недостатках Сталина, но верили ему".

Но что там слезы Хрущева... Воспоминания Евтушенко (ему еще не было 20 лет в день похорон Сталина) еще более впечатляющи: смерть диктатора оплакивала „вся Россия" от страха что теперь будет?... некоторые поэты не могли прочесть своих стихов на собрании от волнения и слез... его, Евтушенко, чуть не задавили в толпе в похоронной процессии... он услышал звук ломаемых хрупких костей (спас его высокий рост)... площадь обагрилась кровью пострадавших в давке людей... Словом, сцена, напоминающая Ходынку, когда во время коронационных торжеств Николая 2-го задавили насмерть около 5 тысяч людей... Цифра жертв сталинских похорон пока скрывается.

Так уж видно повелось на Руси, чтобы волком выть на похоронах, особенно жестоких царей и правителей, — плакать не то от радости, что избавились от злого повелителя, а вероятнее всего от предчувствия, что новый правитель может оказаться хуже покойника. Плаксивость наша не ускользнула от внимания Пушкина в „Борисе Годунове": „Все плачут, заплачем, брат, и мы".

Но вернее всего, что у Хрущева лились слезы от сознания осиротелости — мотив, сходный с ощущением куприновского „Царского писаря", защищающего жестокого царя Николая 1, осуждаемого его просвещенной дочкой. „Как родился его (царя) рабом, — возражает ей этот сталинец XIX века, — так рабом и подохну. Я думаю, когда у собаки помрет старый хозяин, то она, наверно, с умилением вспоминает, как он лупил ее плеткой, и плачет в своем собачьем сердце".

На похоронах Сталина плакали, а на поминках развеселились и траур, как известно, окончился удалением из мавзолея мумии „отца народов". Это было не возмездие диктатору за его страшные преступления, не акт, знаменовавший уничтожение культа личности — ведь одного святого оставили на развод в мавзолее, — а только нужный хрущевцам маневр для одоления молотовцев, претендовавших на сталинское наследство, оправдывавших злодеяния диктатора сомнительной аксиомой: „нет худа без добра" — истина, которую теперь рьяно отстаивает утвердившийся у власти Хрущев.

С мумией расправились на XXII с'езде партии в 1961 году и уже тогда свои чувства обожания перенесли на воссиявшую звезду Никиты Сергеевича, наделив его всяческими добродетелями марксизма-ленинизма. Речи партийцев запестрели эпитетами из лексикона сталинского культа личности при упоминании имени Хрущева: „выдающийся ленинец" (Суслов), „стойкий борец" (Шверник), „несгибаемый ленинец" (З. П. Нуриев), „космический отец" (Титов), „верный ленинец" (Косыгин), „неустрашимый борец" (Шелепин) и т. д.

Правда, в своем заключительном слове немного смущенный этим славословием Хрущев советовал воздерживаться от подобных востор-

гов в его адрес, а восхвалять только непогрешимое, мудрое коллективное руководство — ЦК партии, а не его, недостойного слугу партии и правительства. Но энтузиазм хрущевцев взял верх над их благоразумием и доклад Хрущова был завершен по-прежнему сталинскому ритуалу: „Все встают". „Овация". Возгласы „Ура!" и т. д. Это походило на коронацию нового диктатора с „осанной", с обрядом припадания к его стопам.

Как победа фракции Сталина над ленинской старой гвардией означала вульгаризацию, извращение марксизма-ленинизма, так и торжество хрущевской фракции явилось захватом партийного руководства менее культурными, но более напористыми, пронырливыми партийными дельцами, переброшенными в Москву еще Сталиным из нацменьшинств, преимущественно украинского происхождения, в некоторых случаях с руссифицированными фамилиями.

В усилении украинского элемента в советском правительстве, разумеется, особенной беды нет: ведь хозяйничал же в Кремле „прекрасный грузин", плохо владевший русской речью. Россией управляли варяги-скандинавы (Рюриковичи), татарские ханы, цари-самозванцы, онемеченная династия Романовых со своей немецкой сворой Биронов, Остерманов, Минихов и др., а вслед за ними протиснулись на верхи и украинцы (хохлы, „нехаи"): Безбородки, Разумовские, Кочубеи, Яворские, Прокоповичи, Волынские, Сулимы и прочие „птенцы" Петра 1, Елисаветы, Екатерины II. Они строили города, рыли каналы, вели войны, были главными казнокрадами, и на всех своих „промыслах" угробили сотни тысяч русских людей, тормошили Московию не хуже Сталина и Хрущева.

В Смутное время запорожцы и поляки поставляли в Россию царей-самозванцев. Потом выписанные в Москву справщики богослужебных книг монахи во главе с Епифанием Славинецким подготовили церковный раскол, вызвавший распрю между царем и патриархом Никоном, поддерживавшим справщиков.

Более пронырливый из них Симеон Полоцкий — белорус киевского воспитания, проник ко Двору и стал учителем будущего царя Федора Алексеевича. Это был шустрый, многосторонний делец, и хотя малосведующий в науках и менее ученый Славинецкого, посвящал московитов в тайны астрономии, а свою паству поучал: „Не щадите, родители, жезлов ваших, угощайте детей ваших не душевредным лобзанием, а нравоисправительным биением". Он прямо говорил на проповедях, что кто не бьет детей, „тот неприятен Богу". Этому любимцу царя Федора приписывается авторство устава первой духовной академии в Москве не только с просветительными, но и с полицейско-карательными функциями. Он — сторонник крайних средств воспитания и возмездия: жезл — для провинившихся детей, костер — для еретиков — подрывателей православия и благочестия.

Не менее одиозна и роль украинца Стефана Яворского — местоблюстителя патриаршего престола, помогшего Петру 1 в упразднении патриархата, превращении церкви в бюрократическое учреждение под контролем светской власти (оберпрокурор св. синода).

Другой украинский „святитель" архиепископ Феофан Прокопович, по словам Ключевского, „своей суетливой беготней в Москве" подготовил уничтожение императрицей Анной конституции, подписанной ею по настоянию Верховного тайного совета до приезда в Москву. С ее появлением на троне началась эра бироновщины. „Немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка"... (Ключевский). И, вероятно, в угоду Прокоповичу, царица Анна составила св. синод в числе 11 членов из двух равных половин — русских и украинцев. Эта племянница Петра I, дочь русской матери, не доверяла своим русским...

Но в высшей церковной иерархии в России, состоявшей почти из украинцев, попадались и люди гуманные, передовые, благожелательно относившиеся к русскому народу. Это заметно в деятельности ростовского митрополита Димитрия Тупало, причисленного к лику святых, который в акафисте Покрову Богородицы написал: „Радуйся, Незримое Укращение владык жестоких и зверонравных, совета неправедных князей разори, зачинающих рать, — погуби". Впоследствии такой вояка, как Николай I, усмотрел в этом молении „крамолу" и назначенная им Бутурлинская комиссия вырезала из акафиста эти неприятные царю стихи.

И не приходится удивляться тому, что в советскую эпоху интернационализма, смешения языков, перетасовки нацменьшинств нагрянувшие или заброшенные в Москву украинцы в борьбе за сталинское наследство оказались успешнее, предприимчивее консервативно настроенных русских коммунистов Молотова, Маленкова, Шепилова, Сабурова, Булганина и др., уцепившихся за сталинизм подобно своим предкам, цеплявшимся за бороду, готовым пострадать за этот символ близкой их сердцу старины в то время, как „нехаи" легко расстались и с чубами и с бородами, связав свою судьбу с брадобрейцем Петром I, расчистив себе этим маневром путь к власти и оттеснив русскую знать на задний план.

МИР

П. К. КРОПОТКИН И ВОЙНА

(Письмо П. Кропоткина о русско-японской войне, написанное им в ответ на запрос одного из редакторов французской газеты „ле Суар").

Милостивый Государь!

Вы спрашиваете, верно-ли сообщение, опубликованное в некоторых журналах, будто бы я рекомендовал одному из моих друзей, живущих в России, не вызывать никакого движения против русского правительства во время войны.

Я не давал такого совета, потому что убежден, что живущие на месте прекрасно сумеют сами руководствоваться в своих действиях общим состоянием дел.

Но я утверждаю, в противоположность очень распространенному на Западе мнению, что эта война является бедствием, которое неизбежно замедлит развитие революционного движения в России. Она причинит массу страданий русскому народу и отвлечет его внимание от великих внутренних задач.

Я, действительно, предвижу с грустью, что революционное движение, которое принимало такие широкие размеры в русском народе — среди крестьян и промышленных рабочих, — будет замедленно, может быть, даже остановлено этой войной.

Вместо серьезных вопросов — земельного, промышленного, вопроса о децентрализации и пр. и пр., — делавших общее положение России столь похожим на положение Франции накануне 1789 года и позволявших надеяться, что падение абсолютизма ,уже сильно расшатанного, совершится одновременно с глубоким революционным изменением экономических условий, — вместо этого, движение сведется теперь к вопросам, не имеющим значения.

Будут волноваться и стараться узнать, ведется-ли война более менее искусно; заслуживает-ли доверия такой-то генерал, или такой-то министр. И если случится какое нибудь крупное несчастье — новая Плевна наряду с геройским подвигом солдат, — патриотизм, даже шовинизм ,возьмут верх и сразу уничтожат даже чисто политическое движение.

Всякая война есть зло, кончается ли она победой или поражением, зло для нейтральных. Я не верю в „благодетельные" войны. Не крымское поражение дало России реформы и уничтожение крепостного права, не оно также уничтожило рабство в Соединенных Штатах, дало независимость Италии, а радикальное и националистическое движение умов 1857-1864 г. во всей Европе. Современная Россия не ожидает своей свободы от иностранцев.

Что касается других, поставленных вами интересных вопросов, вы, может быть, найдете некоторый ответ на них в следующих размышлениях.

Для русского народа печально, что в своем движении на восток он не встретил цивилизованного народа, уже занявшего манджурское побережье Тихого океана; печально, что ему пришлось возделывать приморские пустыни и проводить железную дорогу через пустыни Манджурии.

Эта страна никогда не сделается русской, — китайский колонист уже расположился там. И если бы Соединенные Штаты, например, захотели завтра завладеть этой страной, то все, считая и русских, от этого только выиграли-бы.

Но следует-ли из этого, что желательно ,чтобы в Манджурии внедрилось такое воинственное и зараженное империалистическими мечтами государство, как Япония?

Не думаю. Несомненно не в интересах европейской цивилизации было-бы, если-б Англия присоединила в былое время к своему морскому могуществу еще могущество континентальной державы, укрепившейся в Бретании или Нидерландах. Притом-же, Япония в таком случае сама скоро потеряла бы то, что есть привлекательного в ея цивилизации.
Плод многовекового мира — эта последняя, облачившись в европейский мундир, быстро исчезла бы при звуках скверно воспроизведенного „Боже, храни короля!„

Я не читал статьи г. Гиндмана, о которой вы мне говорите; но я столько читал подобных в английской прессе, вдохновленных таким же японо-шовинизмом!

С своей стороны, не чувствуя никакой симпатии к мечтам о завоеваниях русских денежных людей, я точно также не имею ни капли ея и к завоевательным мечтам капиталистов и баронов модернизированной Японии.

Вовсе не ради переселения избытка своего населения правящие классы Японии мечтают завоевать Манджурию, Корею и... Пекин, а ради того, чтобы сплавлять товары, произведенные при помощи гнуснейшей эксплоатации женщин и детей в среде обедневшего земледельческого населения (прочтите Ретгана!), чтобы управлять и обогащаться на европейский манер.

Желтые и белые, японцы, русские или англичане мне одинаково ненавистны. Я предпочитаю стать на сторону молодой японской социалистической партии. Как она ни малочисленна, но она является выразительницей миссии японского народа (в те короткие мо-

менты, когда ему позволяют отрезвиться), когда высказывается против войны в своей гордой прокламации и письме, адресованном в „Дейли Ньюз".

Сверх того, я предвижу с глубокой тревогой, что столкновение на Крайнем Востоке есть лишь прелюдия к гораздо более серьезному конфликту, подготовляющемуся с давних пор, развязка которого произойдет около Дарданелл, или даже на Черном море, — и таким образом для всей Европы будет подготовлен новый период войн и милитаризма.

Словом, в только что вспыхнувшей войне я вижу бедствие, опасность для прогрессивного движения в Европе вообще. Может ли торжество самых низменных инстинктов современного капитализма содействовать торжеству прогресса?

Петр Кропоткин

18 февраля 1904 г. Бромлей.

КРОПОТКИН ЛИТЕРАТУРОВЕД

(Окончание)

Еще трагичнее судьба автора „Путешествия из Петербурга в Москву" А. И. Радищева (1749-1802). Прочитав его книгу, Екатерина 2-ая воскликнула: „это пугачевщина!" Сама она написала против него обвинительный акт, и бывший паж, изучавший науки за границей, попал в крепость, а позднее был выслан в одну из отдаленнейших местностей Восточной Сибири, в Верхоленск и вернулся из ссылки лишь при Александре 1-ом в 1801 г., за год до своей трагической смерти — самоубийством.

Какой-то злой рок тяготел над судьбами многих наших писателей и поэтов. За свои искания справедливости, за лучшие побуждения души они гибли, задыхались или преждевременно увядали в нездоровой атмосфере общественной жизни. Пушкин и Лермонтов погибли на дуэлях. Достоевский чуть было не погиб на эшафоте. Декабрист-поэт К. Ф. Рылеев (1795-1826) погиб на виселице. Князь А. И. Одоевский (1806-1838) — поэт и друг декабристов — провел на каторге 12 лет, и, наконец, был послан солдатом на Кавказ. Юношеская поэма „Сашка" талантливого поэта Полежаева вызвала гнев грозного царя Николая 1-го, приказавшего отдать его в солдаты на 25 лет. Умиравший от чахотки поэт был „помилован" и посмертно произведен в офицеры. Подобная же судьба постигла известного украинского поэта Т. Г. Шевченко (1814-1861), отданного в солдаты за свободолюбивые стихи.

Даже такие корифеи русской литературы как Гоголь, Тургенев и Толстой не были свободны от гнета цензуры и преследований. Тургенев, например ,был выслан из столицы за скромную заметку о смерти Гоголя. Гоголевский юмор сквозь слезы выводил из равновесия „железного царя".

Русская литература писалась слезами и кровью поколениями наших славных поэтов и писателей, она представляет бесценное сокровище, духовное богатство русского народа, которое является крупным вкладом в сокровищницу мировой литературы. П. А. Кропоткин тщательно собрал все наше огромное литературное достояние, не позабыв ни о больших, ни о второстепенных наших поэтах и писателях, и его книга — как бы крестный путь нашей литературы от древних времен до начала нашего столетия. Прочтение этой книги приобщает нас к великой русской культуре.

М. Р.

КОНТРАБАНДОЙ В РАЙ

Этот маленький набросок, написаный И. С. Тургеневым, повидимому, не предназначался для печати, ибо он нигде не был опубликован. Но теперь в СССР все написанное или же сказанное великими людьми, предается гласности. Собираются всякие бумажки, тщательно исследуются личные архивы, и затем все это включается в полное собрание сочинений. Подобным путем и нижеприводимая забавная вещица была извлечена из под спуда.

Ред.

(Сцена в небе. Ворота рая. Привратник св. Петр спит. Входят Бакунин и Тургенев и несут большой, довольно длинный чемодан).

Тургенев. Ба! Да мы у ворот рая!

Бакунин. Разумеется, вот и св. Петр.

Т. Какой красный нос у Петра! (Чемодан шевелится). Угомонись! Остряк! Не пронести нам его, Бакунин.

Б. Авось.... (Петр просыпается).

Петр. Что вы за люди? А! Знаю вас! Прошу не болтать лишнее — на что мне ваши имена? Я знаю вас — мы всё знаем. Впущу, впущу. (Глядя через плечо). Бог знает, что с нашими господами подеялось — впускают сорван-

цов, безбожников, молокососов... Эх! кабы мне....

Б. Но...

Петр. Перестать болтать, дружок: приучайся уважать старших. (Отворяет дверь). Ну, входите, что ли? (Увидел чемодан). Это что у вас?

Б. Чемодан.

П. Вижу, что чемодан. Да на что?

Б. Как на что? Тут наши платья...

П. Вздор! У нас вы на казенном иждивении.

Т. Старое белье. (Чемодан шевелится с негодованием).

Б. Книги... В скучный час не худо.

П. В скучный час... То-то ваша братья, молокососы... В скучный час! Отчего ж я не скучаю? И Бога-то я не вижу, все сижу у дверей да любуюсь на грешные рожи... Вздор! Вы плутаете, откройте чемодан. (Чемодан от страха сжимается).

Б. (С большим жаром). Помилуйте! как можно? Какие мы плуты! Этот чемодан — очень невинный чемодан. Извольте посмотреть. (Катает, гнет чемодан во все направления — свертывает кольцом и т. д.). Можно ли тут быть человеку?

П. (Щупает чемодан). В самом деле — мягко! Чрезвычайно мягко! Приятным образом мягко! Хе! хе! хе! — хорошо бы... очень мягко! (Садится на чемодан). Вы позволяете?

Т. С большим удовольствием.

П. (С отрадой). А-а-а... старым костям любо. Друзья мои, будьте благодетелями. Подарите мне ваш чемоданчик: судите сами — сидишь, сидишь у дверей на ступеньке... с вашего позволения, неприятно. Потешьте старика!

Т. (Глядя на Бакунина). И не знаю... как ты...

Б. (Глядя на Тургенева). Куда ни шло... а впрочем...

П. Удивительное дело! Отроду покойнее не сиживал — потешьте... (Петр с визгом вскакивает и, держась одной рукой за некотрую часть тела, отбегает и с испугом оглядывается. Из чемодана торчит красная, всколоченная голова Ефремыча и щелкает зубами. Бакунин и Тургенев проворно подхватывают чемодан и вбегают в царство небесное).

Б. (Ефремову). Это что за нелепость?

Е. (Ухмыляясь). За неимением остроты.

Слышен голос Петра: „Контрабанда! Контрабанда!...

(А. П. Ефремов, М. Бакунин, И. С. Тургенев дружили в молодости, слушали лекции в Берлинском университете. А. П. Ефремов — известный географ, профессор московского университета).

ФУНДАМЕНТ

(Из книги „Будущая Россия")

Фундаментом для благополучного существования населения России должно быть следующее:

1. Установление общественного производства и справедливого распределения предметов потребления.

2. Равные права для всего населения, т. е. права избирать на местах своих заводских и сельских представителей путем тайного и явного голосования.

3. Права организации политических партий и религиозных сект.

4. Свобода слова, печати, собраний и организаций для всех, кто стремится жить индивидуально, коллективно или коммунально без наемного труда и насилия над другими.

5. Фабрики и заводы передаются под контроль и управление тех, кто там работает (рабочих, инженеров, техников, всех трудящихся). То же самое делается с железными дорогами, водными путями, почтой, телеграфом, телефоном и другими общественными службами.

6. Земля пренадлежит всем, кто на ней желает трудиться. Покупка и продажа ее не допускается. Распределением заведуют местные земельные комитеты.

7. Раскрепощение крестьян от налогов, колхозников и совхозников от советского батрачества. Допускается индивидуальная, коллективная и коммунальная обработка земли.

8. Устанавливается товарообмен между городом и деревней на справедливых товарищеских началах.

9. Самоуправление страной организуется по принципу снизу вверх, а не сверху вниз, как это делается у большевиков.

10. Путем сельских, фабричных, районных, областных и губернских с'ездов устанавливаются связи и вырабатываются способы самоуправления национальностей.

11. Бюро спроса и предложения труда должно являться органом, который исполняет решения и постановления, всех с'ездов в стране. Это не руководящий, а только осведомительный орган, подобно бюро погоды и различным другим бюро в университетах и лабораториях,

занимающихся исследовательской работой.

12. Вместо регулярной армии, вводится военная тренировка всего населения для отражения внешнего врага.

13. Школы, больницы, театры, библиотеки и т. п. создается на добровольные взносы всех граждан и принадлежат всем на равных правах.

14. Свобода выбора профессии и право передвижения из одного места в другое.

15. Упраздняются тюрьмы и ссылки. В свободном обществе все будут сыты и главные побуждения к преступлениям исчезнут.

16. Взаимопомощь, уважение, братство и любовь кладутся в основу новой свободной жизни. Старые лозунги: „Люби друг друга", „Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали другие с тобой", „Желай другому того, чего желаешь себе", „Не вреди другим", „Защищайся" — становятся действительностью.

Минский Мужик

АНАРХИЧЕСКАЯ ТАКТИКА И ТАКТИКА АНАРХИСТА

Кто такой анархист... Может быть это человек, борющийся за грядущий анархический строй общества... Человек, стремящийся облагодетельствовать грядущие поколения... Добивающийся того, чтобы хоть через „300 лет", но наступила анархия... Чтобы, если не детям, то хотя бы внукам или пра-пра-правнукам удалось по человечески, а не по звериному устроится на земле... Кто же такой он, этот анархист, что ему надо, чего он добивается...

Можно пожалуй вообразить себе, что анархист — это вообще что-то „не настоящее', нечто такое, что целиком относится к будущему, человек, живущий какой то мечтой, витающий в облаках и думающий только о том, что будет через тысячи лет, а в настоящем — какой-то ошалелый идеалист с сумасшедшими глазами, бегающий по всему миру, горланящий что-то несуразное, готовый на всевозможные озорства и сумасбродства, часто опасные для окружающих и всегда нелепые.

Великие социалистические ученые „уставясь в землю лобами", решают вопрос о том, как облагодетельствовать пролетариат, долженствующий появиться на северном полюсе в 4765 году; великие социалистические ученые, сдвинув на кончики своих ученых носов свои научные очки, важно прописывают рецепты спасения капиталистического строя путем превращения его из частного в государственный и предлагают рабочим предварительную вываpку в капиталистическом котле; великие социалистические ученые терпеливо и настойчиво возводят новую церковь, чтобы человечество не осиротело после гибели цезарей и пап; вообще, великие социалистические ученые заняты и просят не мешать им спасать человечество по всем правилам науки...

И удивительно... Чего нужно этому анархисту... Сам никого не спасает и другим мешает... Да еще как мешает-то... Прямо сладу с ним нет. Только что великие социалистические ученые запоют тихо-тихо колыбельную песню, только что пролетариат начнет засыпать, чтобы великие социалистические ученые могли перенести его в сонном состоянии, совсем безболезненно в социалистический рай, как приходит анархист и спутает все карты, всех разбудит, всех намутит... Только что великие социалистические ученые помаленьку, да помаленьку начнут прибирать к рукам несмышленного ребенка — рабочего, только что внушат ему, что великие социалистические вожди, великая социалистическая власть готова его облагодетельствовать, что рабочему для этого достаточно сделаться по старому иезуитскому правилу „трупом в руках ордена", что рабочий в руках социалистического партийного вождя должен, как мюрид в руках мюршида, стать как „труп в руках омывателя", должен пропитаться партийной дисциплиной подобно тому как сахар напитывается водой — тут-то и является анархист и ставит все вверх ногами.

А анархист между тем говорит: „Попы порабощали народ лицемирно, подсовывая ему земное зло для ожидания небесного добра, а социалистические вожди не менее лицемирно подсовывают народу благо потомков взамен того зла, которое он несет и терпит сейчас. Стремясь к власти, политиканы предлагают народу рабство под их властью, обещая, что они за то устроят земной рай для потомков сегод-

„НОВЫЙ ЖУРНАЛ"

Общественно-политический и литературный орган. — Выходит периодически в форме большой книги.

Адрес:
NEW REVIEW
2700 BROADWAY NEW YORK, 25, N. Y.

няшняго пушечного мяса"... Нелепо стремиться облагодетельствовать будущие поколения на счет живущих и потому нелепо стремиться к устройству на земле рая через тысячу лет... Анархист совсем не старается привести человечество к блаженству еще не родившихся поколений, он стремится к улучшению жизни поколений живущих сейчас... Надо позаботиться о том, чтобы люди, живущие сейчас вокруг нас, жили по человечески — не мучились, не страдали от миллионов нелепостей, которыми проникнута современная жизнь, нужно стараться, чтобы эти—сейчас живущие—уже успели пожить анархической свободной жизнью. Можно быть увереным, что если мы будем так строить свою деятельность, так направлять свою тактику, чтобы перед нами всегда стояли живые конкретные люди, а не какие то грядущие призраки, то тем самым и для грядущего мы действительно сделаем много хорошого, а не ограничимся журавлями в небе... Т. обр. наша тактика должна быть такова, чтобы мы вели борьбу с действительным злом, творили действительное добро ради действительных людей, а не гонялись бы за мечтами, не приносили бы людей в жертву идеям и идеалам, какими бы прекрасными нам ни казались эти миражи... Величайшее преступление совершают те, кто подменяют живую подлинную любовь к живым подлинным людям — братьям, мертвой схемой идей, сухим песком понятий... Так мы находим признак, по которому легко отличить правильную тактику от неправельной. Творите добро, боритесь со злом ради живых людей. Пусть ваши идеи, идеалы, понятия схемы будут лишь орудиями вашей борьбы, вашего творчества, пусть никогда они не превращаются для вас в новых богов, в новых идолов, которым вы будете приносить в жертву подлинных, жывых людей, пусть всегда вашей целью будет добро по отношению к живым людям, а не по отношению к людям мертвым или не родившимся, или существующим только в вашем воображении.

Такова анархическая тактика.
Тактика же анархиста заключается в том, что он никогда ни на кого не полагается, кроме как на свои собственные силы... Он не ждет спасения, избавления и т. п. ни от власти, ни от благодетелей... Он один выступает на бой, он один вызывает на борьбу подлость и ложь современного мира, он не ждет себе помощи от кого бы то ни было и лишь такие же, как он — свободные, гордые, мощные бойцы могут биться рядом с ним, лишь таких он признает за своих товарищей, за своих братьев в борьбе... и он знает что борьба идет за миллионы слабых и обездоленных — за вдов и сирот современной цивилизации....

Да здравствует же тот светлый порыв в анархисте, который социалисты хотят заклеймить донкихотством и да сгинет пошлость и подлость санхопансизма лидеров, продающих первородство за чечевичную похлебку...

А. А.

РАЗГУЛ ПАЛМЕРОВЩИНЫ

Так как палмеровщина разразилась осенью — в годовщину захвата власти большевиками в России— то каждый год, когда наступает осенняя пора, мысли возвращаются к этому кошмарному событию. Не является исключением и этот год, почему мы и нашли уместным привести в єтом „осеннем" номере некоторые выдержки из того, что писал об єтом И. Окунцов. С принципиальной точки зрения, написанное Окунцовым, пожалуй, не представляет большой ценности, иногда оно даже противоречит нашим взглядам, но оно интересно тем, что подтверждает, что палмеровщина — не только жестокость, но вместе с тем и глупость. **Ред.**

А. Митчел Палмер, федеральный прокурор и хранитель иностранной собственности во время войны, громитель русских эмигрантов в 1919-1920 годах, готов был выставить свою кандидатуру на пост президента Соер. Штатов и разбить всех, кои стояли „левее предуказанной линии". Но кандидатура погромного министра юстиции провалилась и сам он быстро сошел с политической позиции и умер в безызвестности. Палмер породил после-военную истерию, запуганность и растерянность.

Русским после Палмеровщины стало нестерпимо тяжело жить в Соед. Штатах. Палмеровщина породила подозрительное отношение к каждому русскому человеку, каких бы политических убеждений он ни был. Это проявилось в беспричинном увольнении русских с фабрик и заводов. Даже культурно просветительная работа среди русских была взята под подозрение. Учителей громили, как государственных преступников.

Только после Палмеровщины прошел ужас, как ночной кошмар. Русские не столько получали от Америки, сколько отдавали ей свои силы и свою культуру. Палмер не обращался к судам, а действовал по своему произволу в административном порядке. Насилие было коньком Палмера, хватавшего без разбора кого попало. Палмер углублял рознь между иммигрантами и американцами.

Неизлечимо больной президент Вилсон по-

ручил Палмеру ведение внутренней политики Соединенных Штатов, и он повел эту политику совсем не по-демократически. При его реакции кличка „радикал" равнялась кличке „преступник".

Народная Лига Народоправства сделала сводку палмеровских погромов среди русских. Нотариальные показания Семена Нахвата, Петра Муцека и Антона Димитрова рисовали катину набега на русские собрания в Бриджпорте, Конн., и заключение в Гартфорской тюрьме. Десять из арестованых просидели в тюрьме пять месяцев и затем были выпущены на свободу.

Картина налета на Русский Народный Дом, 133 Ист 15 ул., в Нью Йорке иллюстрирована фотографией разгрома помещения и показанием под присягой нескольких русских людей: Михаила Лавровского, Николая Меликова, Варфоломея Ищенко, Семена Е. Кравчука и Петра Карася. Все они после избиения и ареста в школе, во время занятий, были освобождены после допроса администратором Игеном.

Массовые аресты в Детройте, Мич., были освещены показаниями Александра Буховецкого и его 12-летней дочери Вайолет. События в Бостоне обрисованы показаниями Станиславы Василевской, Г. Михельсона, Минны Федерман, Анны Вольнской и др.

Вот, как заключает свое расследование Лига Народоправства в „Бостон Транскрипте" от 12 февраля 1920 года: „первые германские пленные были захвачены солдатами американской армии Адамом Блазиковицким и Иваном Кочанским из Айровуда, Мич. В то время, как Адамы Блазиковицкие и Иваны Кочанские сражались на полях битв под флагом их приемной родины за мировую демократию, другие Адамы Блазиковицкие и Иваны Кочанские были взяты „под подозрение" и к ним была применена тактика: „сначала, на всякий случай, повесить, а потом и дело можно разобрать". Если бы даже все огульные обвинения против иностранцев были верны, и в этом случае министр юстиции должен был бы идти по закону и по конституции. Подавляющие массы иммигрантов всегда были лойяльны к Америке. Иван Кочанский взял первого германского пленного. А другие Иваны Кочанские (их 300,000 — 400,000) работали в тылу, на верфях, в шахтах, на заводах и в мастерских. „Клобы" сыщиков, произвольные аресты и заключения без „варрантов" (судебных разрешений) гораздо больше сделали для того, чтобы пошатнуть эту лойяльность, чем все прокламации анархистов".

Первая и обильная облава на русских эмигрантов и на их печать, организации, библиотеки и школы совпала с годичным юбилеем русской революции, который русские в Нью Йорке хотели отпраздновать 30 августа 1919 года парадом по 5 авеню от Вашингтон сквера. На парадировавших спокойно людей напала конная и пешая полиция, избила, истоптала, искалечила.

Через несколько недель после этого последовал налет на Народный Дом на 15-й улице. То же самое происходило и в других городах.

На русских собраниях появлялись полицейские и правительственные агенты с револьверами и с „клобами" и кричали: „руки вверх"! Начинался общий обыск и допрос. Обычно арестовывали всех присутствовавших и вели в сыскное или в полицейское управление. Иногда арестованных избивали при допросах и под усиленной охраной посылали в какой нибудь штатный центр, где снова обыск, тюрьма с избиением до крови или даже до потери сознания. Если арестованные говорили, что они — большевики или анархисты, то их отправляли в Нью Йорк, на „Остров слез" для депортации. Если же люди не признавали себя в чем нибудь виноватыми, то таковых снова истязали и держали в тюрьмах по несколько месяцев. Никто не знал, что с ним будет. Все ждали только худое и никогда не ожидали доброго. Иногда через 2-3 месяца производились новые допросы. Некоторых выпускали из тюрем. Кормили скверно. Пища подавалась чрез железные решетки. На прогулках приходилось маршировать по-солдатски. Иногда тюремщики некоторых узников тащили за волосы в особые холодные или горячие помещения на отсидку. Там узники держались по 20-48 часов и выпускались только тогда, когда доктор признавал, что дальше держать заключенного в таких камерах нельзя: может умереть.

Эти жуткие камеры были настоящими могилами без окон и без дверей. На некоторых узников надевались железные кандалы. Люди не брились и обростали бородами. Тюремщики смеялись над ними и называли их „проклятыми большевиками".

Так было всюду, где царил произвол Палмеровщины. Так было в штатах Нью Йорк, Коннектикуте, Нью-Джерзей, Пеннсильвэнии, Мичигане, Делавере и во всех восточных штатах. В Филадельфии, по указу сыщика Блюма, находящегося в СССР, были арестованы до 500 русских, принадлежавших к различным организациям.

В апреле 1920 года в департаменте юстиции имелось свыше 6,000 обвинительных листов против русских эмигрантов, якобы „зараженных большевизмом" и, поэтому нетерпимых в Соед. Штатах. Среди этих людей имелись не

только лойяльные Америке русские люди, но даже служившие на военном фронте во Франции, во время мировой войны. Среди таких солдат оказался некий Иван Волков, 33 лет, семейный. Когда его стали депортировать, то он заявил, что поедет в Россию на свой счет. Он намеревался стать американским гражданином, но позже отказался от своего намерения по следующему основанию: „Когда, — заявил он, — я пошел в американскую армию во Францию, я верил, что правительство Соединенных Штатов поможет России, но теперь я стал противником Америки, блокадирующей Россию".

В январе 1920 года в 124 камерах Гартфордской тюрьмы находилось 128 русских людей, из которых большинство депортировано из Соед. Штатов, а остальные выпущены на свободу.

Департамент труда накладывал на обвиняемых залог в количестве 10,000 долларов. Такой залог, конечно, не мог быть внесен семьями обвиняемых, которые продолжали томиться в заключении. Выходившие же из тюрем находили себя нищими: квартиры разбиты, семьи безпризорные, работа потеряна, сбережений нет, ибо ушли на адвокатов. Таким образом, два федеральных департамента — юстиции и труда — играли судьбой многих тысяч русских эмигрантов, которых Палмер старался пришить к коммунистической партии и к пропаганде о насильственном ниспровежении американского правительства.

В некоторых городах, как Детройт, где было арестовано 600 русских эмигрантов, нет имиграционного дома, Арестованных собирали в городской тюрьме, откуда отправляли в Нью Йорк для депортации. Положение этих людей было ужасное: ни правосудия, ни человеческих отношений, ни помещения и ни пощи. По этому поводу в Детройте общественные организации выступили с протестом и городская администрация отказала министерству юстиции в помещении. Министерство перевело арестованых в уездную тюрьму, а оттуда в бараки в Форт Вайн. Такой же результат получился в Гартфорде и в соседних городах, где долго никаких обвинений не предъявлялось, и русские люди мучились на тюремном положении. В Филадельфии оказался арестованым один русский человек, прибывший в Соед. Штаты 9 летним мальчиком, прошедшим американскую школу и ставшим типичным американцем. Департамент юстиции выслал его в чужую страну.

Никто не знает сколько было изгнано из Соед. Штатов русских людей, имевших здесь семьи. По всей вероятности 25%. После их остались в Америке их жены и дети. Такие семьи часто изгонялись из их домов и шли на содержание благотворительных учреждений. Их отцы уже не могут вернуться в Соед. Штаты.

В Ст.-Луисе один русский человек, Щербак, не только был арестован, но и подвергся жестокой пытке (подвешивали за ноги вниз головою, били по рукам и по пяткам „клобами"). Он об этом не заявил никому только потому, что „люди правосудия" даже не допрашивали его.

В Балтиморе был арестован и избит русский Даниил Ребкович, 28 лет, эмигровавший в Соед. Штаты в 1913 г. Вся его вина заключалась в том, что он состоял членом американской социалистической партии до августа 1919 г.

Там же был арестован поляк Томас Трусс, гладильщик, получавший 30 долларов в неделю. Он эмигрировал из России в Америку в 1907 году. Здесь женился и имел трех детей. Он принадлежал к пресветерианской церкви, которая охарактеризовала его, как прекрасного человека. Арестованный 7 января 1919 г. предстал пред агентом департамента юстиции, который бросил его в тюрьму. Департамент обвинил Трусса в том, что он — член Союза Русских Рабочих, т. е. коммунистической партии. Но оказалось, что Союзы Русских Рабочих ничего общего с коммунистической партией не имеют и являются рабочими организациями для образования и взаимопомощи. Обвиняемый был выпущен на свободу. Представитель департамента труда Пост нашел, что этот случай типичен для 1,000 других случаев и департмент юстиции напрасно впадает в истерию.

Вайдарский, член социалистической партии был схвачен сыщиками на 2 Авеню, в Нью Йорке. Сыщики крутили ему руки, били его и заставляли целовать американский флаг в доказательство того, что он — не большевик и лойялен Америке. Некий Сабин во время беседы с друьями в нью-йоркском ресторане в 1917 году сказал: „Ю. С. но гуд" (Соединенные Штаты нехороши). Сабина арестовали и приговорили на месяц к тюремному заключению Карпенко был арестован в Гартфорде с пилками для резьбы по дереву. Сыщики решили, что он имеет какие-то специальные инструменты и посадили его в тюрьму. Карпенко просидел там три месяца и заявил, что он едет в Россию.

Он изобрел картофелепосадник

Во время расправы с рускими в Питсбурге многие беспричинно пострадали. Федеральные сыщики без судебного разрешения арестовывали мужчин и женщин, избивали некоторых и бросали в тюрьму. При этом даже не разрешали им позвать родных или адвоката. Их квартиры обыскивались, при чем мебель, посуда, сундуки ломались и уничтожались. Все они

обвинялись в коммунизме. Все они оказались вне защиты закона. Эти безобразия правительственных чиновников дошли до такой степени, что федеральный прокурор Франс Фишер вышел в отставку, а судья Томсон, пред трибуной которого проходили измученные, избитые и неповинные русские люди, заявил следующее: „Эти дела кипятят во мне кровь. Приемы департамента юстиции создают анархию больше, чем все радикальные партии, вместе взятые. Положение русских здесь стало хуже того, какое было в России. Я никак не мог предполагать, что такие безобразия могут происходить в стране, имеющей конституцию".

Федеральные сыщики, посланные комитетом Луска, арестовывали русских в церквах. Они арестовали американского гражданина Осипа Полулечка в церкви всех национальностей, 9 Секонд авеню, в Нью Йорке. Полулечка оказался затем среди 249 арестованных русских людей и выброшен был из Соед. Штатов за преступление, которого он не совершил. Он ничего не знал о коммунизме. В Нью Йорке до потери сознания был избит правительственными агентами Александр Деркач, которого друзья подняли на улице. В Дуксвинсе, Па., один профессор читал русским лекцию о Линкольне и американской демократии. Лектор был арестован как большевик. После 36-часового заключения он был освобожден.

В конце 1919 года на русские газеты „Крестьянин и Рабочий" и „Новый Мир" была произведена палмеровская облава. Нападение на „Крестьянин и Рабочий" произошло 8 ноября 1919 года. Нападения произошли неожидано. В редакциях этих газет все было тщательно просмотрено сыщиками и полицией. Газеты, столы, мебель, архивы, книги были опрокинуты, разбиты или уничтожены. В типографии „Крестьянина и Рабочего" были разбиты даже наборные машины. Один наборщик избит. Обыски и аресты продолжались несколько дней. На следующий день после первого налета были снова схвачены и обысканы 14 человек. Налетчики вызвали полицейский автомобиль, на руки задержаных надели железные наручники, втолкнули в автомобиль и увезли. После этого „Новый Мир" ушел в „подполье" и выходил один раз в неделю, а „Крестьянин и Рабочий" совсем закрылся. На смену этой безвластнической газете появился еженедельник „Американские Известия" с 19 января 1920 года.

В мае 1918 года журнал „Колокол", издававшийся Иваном Новиковым, Л. Бобкиным и Александром Деркачем, был уничтожен полицией и сыщиками, а издатели были арестованы. В типографии „Нового Мира" было конфисковано несколько тысяч экземпляров этого журнала. Полиция раздобыла списки русских анархических групп в различных штатах. Произведены многочисленные аресты. Полицейский лейтенант Бобси заявил, что „эти группы намеревались начать агитацию в Соединенных Штатах с целью свергнуть правительство и установить террор. У нас имеются списки лиц, оказавших денежную поддержку для распространения анти-американской пропаганды".

Жизнь русских в этой стране ухудшилась. Они растеряли свои идеали и мечты, перестали посещать митинги, лекции, школы, перестали читать газеты, темп жизни значительно понизился и интерес русских масс к ним скоро ослаб, тем более, что периодическая печать попала в руки людей безыдейных. После палмеровских погромов русские почти перестали посещать американские вечерние школы, где они до этого изучали русский и английский языки, математику, историю Соединенных Штатов, и России, чертежи, технику и особенно инженерное дело.

Иван Окунцов

ПЕСНЯ РАБОЧЕГО С ЛОПАТОЙ

Я рабочим живу
И рабочим умру —
На руках мозолей
Никогда не сотру.

По дорогам брожу
Изнуренный, худой,
И лопату ношу
На плечах я с собой.

В шахтах темных, сырых,
Без луча светлых дней
Добываю уголь
Я лопатой своей.

Я дороги провел,
И туннели пробил,
И по ним я стрелой
В ход машину пустил.

Я настроил дворцов
И роскошных палат,
Насадил я цветов
И садов целый ряд.

Все, что только добыл
Я лопатой своей
— Не твое, — мне кричат
— Прикоснуться не смей!

И в душе со злобой
До поры я молчу,
И лопату свою
Я об землю точу...

А. Омельянюк

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

М. П. Гуменюк (Волынский)

28 июля с. г. в Детройте скончался Михаил Петрович Гуменюк, хорошо известный всему русскому Детройту под именем Волынского. Родился Гуменюк 25 июля 1893 года, в селе Онацковцы, Новоград-Волынского уезда, Волынской губернии. В америку приехал в двадцатилетнем возрасте — в 1913 г. После нескольких лет скитаний по стране, Гуменюк в 1920 г. очутился в Детройте, где и прожил до самой своей смерти.

Русское безвластническое движение в то время было уже в подполье. Спасшиеся от палмеровских погромов члены Союзов Русских Рабочих не могли оставаться в бездействии. Они создали подпольные группы и кооперируя между собою, принимали деятельное участие в издании журнала „Волна". Гуменюк примкнул к этой работе и не в качестве статиста, а в качестве одного из самых деятельных членов. Затем он вступил в Профсоюз, считавшийся в то время одной из самых крупных культурно-просветительных организаций. В Профсоюзе Гуменюк, как и везде, тоже проявил весьма похвальную активность.

Немного позже (в 1923 г.) Гуменюк вступил в Кооперативное общество и за сравнительно короткий срок завоевал к себе такие симпатии, что был избран управляющим ресторана, находившегося на Россел стрит. На этой должности Гуменюк вполне оправдал себя. Такого управляющего, как он, Кооперативное общество не знало. Когда в 1928 году был открыт второй ресторан, в западной части города, то вполне естественно, что должность управляющего в этом новом ресторане досталась Гуменюку (Волынскому). Он и здесь вполне оправдал себя. За сравнительно короткое время новый ресторан под умелым руководством Гуменюка получил весьма широкую известность. Обедать сюда приходили все, кто умел ценить здоровую и сравнительно недорогую пищу. Дела в ресторане шли так хорошо, что вопрос о замене Гуменюка другим управляющим никогда не поднимался. К сожалению, в 1940 г. паралич почти отнял у Гуменюка руку и он вынужден был оставить физический труд. Кооперативное общество, ценя заслуги Гуменюка, предложило ему выполнять работу бухгалтера и в то же время следить за тем, чтобы ход дел в ресторане не нарушался. Здесь Гуменюк тоже проявил недюженную свою способность.

Людей можно уподобить цветам. Есть цветы красивые, но есть цветы не только красивые, но и обаяятельные, если можно так выразиться, сразу приковывающие к себе все наше внимание. Таким обаятельным человеком был Гуменюк. Он отличался незапятнанной репутацией, мягким характером и чуткой отзывчивостью. Он не отказывал в помощи никакому доброму начинанию. Всегда жертвовал щедро. Никого он от себя не отталкивал. Наоборот — все льнули к нему. Хотелось быть с ним вместе, делать все сообща и одинаково переживать все удачи и неудачи. Помню, когда моя жена сравнительно молодой умерла и оставила без материнского присмотра мальчика, то этот мой сынишка-сиротка, когда я уходил на работу, ни с кем не хотел оставаться, а только с Гумеником. Гуменюк был для него как бы родным...

Смерть унесла от нас одного из лучших представителей безвластнического движения. Такие преданные идеалисты редко приходят в сей мир. Так спи же спокойно, наш друг. Ты умер, но дела твои и память о тебе никогда не умрут в наших сердцах.

И. Л. Усатый

Из писем читателей

КАКОВОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ РОССИЯ

Только один ответ на этот вопрос может быть, по моему мнению, и ответ этот следующий: Россия должна быть такой же, какими должны бить и все остальные страны. Отделять Россию от остальных стран и делат из нее какой-то специфический слепок, — не дело анархистов. Так, про крайней мере, мне кажется. Анархизм — общечеловеческий идеал, поэтому и говорить нужно о всечеловеческом устройстве, а не об устройстве какой-либо отдельной страны. Рисовать контуры будущей России в отдельности могут государственники да разные националисты, но не анархисты, начертавшие на своих знаменах братство всех народов. И я просто удивляюсь почему это на страницах „ДТ-П" часто

появляются статьи, в которых трактуется образ будущей России. Даже некоторые из этих статей второй раз возвращались на страницы журнала, т. е. перепечатывались. Очевидно, что на такие статьи есть спрос. Неужели мы только на словах — анархисты, а на деле — самые обыкновенные государственники? Ибо, повторяю, только государственники могут мыслить о России, как о стране, оторванной от остальных стран. **Старый Анархист**

ЧАЛЫЙ ПИШЕТ...

Ув. т. Д. Благодарю за добросердечное письмо, а вместе с тем спешу и посильную помощь оказать журналу: прилагаю при сем 10 дол. Журнал ваш мне нравится, на его страницах излагаются правильные мысли, но вот вопрос: как быть с преступниками? Нет сомнения, что в анархическом обществе тоже найдутся корыстолюбивые элементы, которые начнут посягать на свободу и на добро трудящихся. Что делать с подобными элементами? Мне кажется, что в анархическом обществе тоже должны быть какие-то законы для защиты честно трудящихся от поползновеинй со стороны вредных элементов.

Грустно становится от сознания, что русское анархическое движение в США уже близится к закату, но у меня есть идея... Интерес к русскому языку в США теперь очень велик, а в будущем, надо полагать, он станет еще больше. Во многих школах русский язык уже преподается, а в будущем, вероятно, он будет преподаваться почти во всех школах. Для изучения русского языка, конечно, нужны учебники и хрестоматии. Теперь все это снабжается большевиками. И учебники, и хрестоматии носят большевистский характер. Почему бы безвластникам не обратить на это внимания? Почему бы им не пустить на рынок свои хрестоматии и учебники? Тогда безвластнические хрестоматии могли бы попасть в школы, и по ним изучался бы русский язык, а вместе с тем распрастранялась бы и идея безвластия. **С. Чалый**

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Уважаемые товарищи. Посылаем вам 80 долларов, из которых 10 дол. — выручка от продажи журнала, а остальные — пожертвования. Жертвовали следующие лица: С. Смирнов 20 дол., И. Черный 10 дол., Г. Гончук, С. К. и А. К. по 5 долларов. **Из Чикаго**: С. Володькин 10 долларов. **Из Сан Франциско**: Н. Г. 10 долларов. **Из Бриджпорт, Кон.**: И. Кардель 5 долларов. Всем жертвователям — большая благодарность.

***

Почти пятьдесят лет тому назад ранней осенью родные провожали молодого парня, М. Гуменюка, оставлявшего вместе с другими молодыми односельцами родную Волынь и направлявшегося в далекую Америку. На глазах у всех были слезы, но никому в голову не приходило, что молодой Михаил больше не появится в родных Онацковцах. А так оно и случилось. Уехал Михаил и на родную Волынь больше не вернулся.

В Америке М. Гуменюку пришлось пройти обычный тернистый путь иммигранта. Не зная языка, не имея за собой никакой профессии. ему приходилось выполнять самую тяжелую, самую непривлекательную работу, а подчас — и совсем без работы оставаться. Неизвестно чем все это закончилось бы, если бы не вспыхнула война, а за ней — революция в России. Война закрыла Гуменюку доступ на родину, а революция толкнула на путь искания истины и справедливости. Став на этот путь, Гуменюк — естественно — дошел до его конечного пункта — до безвластия.

Когда Гуменюк появился в Детройте (это было в 1920 г.), он уже был вполне сознательным человеком, способным разбираться в самых сложных социальных вопросах. Организационная работа в Детройте тогда носила двоякий характер — легальный и нелегальный. Гуменюк принял участие в обеих направлениях. Входил в подпольные группы и в то же время был членом только что организовавшегося Профсоюза. Задачей последнего являлась культурнопросветительная деятельность, для чего издавались книги, брошюры, а также оказывалась помощь газетам и журналам, радикального направления. Гуменюк во всем этом принимал живейшее участие. Пожалуй, что никто столько не пожертвовал на культурно-просветительные цели, как он. Свыше 40 лет он считался одним из самых активных членов Профсоюза. Наибольшую известность Гуменюк, однако, заслужил своей работой в Кооперативе. Он оказался одним из лучших управляющих Кооператорского ресторана и простоял на этом посту свыше 40 лет. О широкой популярности Гуменюка, достигнутой на ниве кооперативного движения, лучше всего, быть может, свидетельствуют его похороны. Хоронили Гуменюка 1-го августа. День был солнечный, похоронная процессия растянулась на несколько кварталов. Кажется, что никогда за гробом не следовало столько автомобилей, как на сей раз. Пятьдесят лет тому назад родные и земляки провожали Гуменюка в Америку, а теперь другие люди провожали его туда, откуда нет возврата. И в этой процессии были люди разных национальностей. Многие из них ни слова по-русски не знали, но они хорошо знали Гуменюка, как хорошего управляющего хорошим рестораном, в котором они всегда получали вкусную и здоровую пищу. Так, добрые дела иногда объединяют людей, разных не только по характеру, но и по национальности и даже по цвету кожи.

Со смертью Гуменюка Кооператив, Профсоюз и вообще все безвластническое движение города Детройта понесли тяжелую утрату. Но смерть — явления естественное. Ее никто не может избежать — ни плохой, ни хороший человек. Нашим слабым утешением может быть только то, что Гуменюка

еще долго-долго будут помнить жители Детройта. Таких людей нельзя забыть.

Профсоюз

ЕЩЕ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В прошлом номере „ДТП" были приведены два мнения об интеллигенции. Одно мнение сводилось к тому, что интеллигентом может быть тот человек, который изысканно одевается и, вообще, ведет себя по-джентельменски. Сторонник другого мнения доказывал, что ителлигентом может быть только тот человек, который делает добрые дела. Редакция в своем примечании оба эти мнения зачеркнула, и выдвинула свое — третье — по которому интеллигентность человека определяется занимаемым им в обществе положением и воспитанием.

По поводу примечания редакции мне хотелось бы сказать несколько слов. Хотя занимаемое положение в обществе играет большую роль, но все же это человека еще не делает интеллигентом. Например, Джерзинский, Троцкий, а также и Ленин по своему положению как будто бы были интеллигенты. Они всю свою жизнь занимались исключительно умственным трудом. Однако, едва-ли кто осмелится назвать их интеллигентами. Их дела очень далеки от какой бы то ни было интеллигентности. Едва-ли интеллигентом можна назвать и того человека, который хотя и занимается умственным трудом, но занимается исключительно ради своей личной пользы. Такого человека скорее можно назвать мещанином или же буржуа, чем интеллигентом. Интеллигент, по моему мнению, должен иметь что-то возвышенное, какие-то общественные идеалы. Он должен думать не только о себе, но обо всем человечестве. Он должен искать — и защищать — правду и справедливость. Если у него нет стремления к правде и справедливости — он не интеллигент, хотя по своему положению он и кажется таковым. Стремиться же к правде и справедливости может каждый человек — и богатый, и бедный, и образованный, и не образованный, и знатный и простак. Об этом нам свидетельствуют многочисленные исторические факты. Например Кропоткин по своему положению как будто бы и не подходит к разряду интеллигенции, но по своим делам — он один из лучших интеллигентов. То же самое можно сказать о Бакунине и Герцене. Даже декабристы, по моему мнению, куда больше интеллигенты, чем какой-нибудь Бухарин или Луначарский. Декабристы требовали чего-то лучшего для всех людей, стремились к правде и справедливости, Бухарин же и Луначарский и вся их кампания правду и справедливость душили и лучшее заменяли худшим.

Итак, не занимаемое положение в обществе делает человека интеллигентом, а его дела, его чаяния и стремления. Интеллигентом может быть только тот, кто несет с собой свет, кто будит и зовет человечество к добру и счастью.

Мокро-Ольховский

ИЗ ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Мое пребывание в Англии минувшим летом совпало с летней школой. Так наши английские товарищи называют свой ежегодный летний слет. Каждый год летом собираются где-нибудь на лоне природы, намечают ту или иную тему, читают на эту тему доклады, а затем совместно обсуждают. В этом году на эту своеобразную „маевку", состоявшуюся в начале августа, с'ехалось свыше 100 человек. Приятно было видеть такое большое количество людей, проникнутых одной идеей — идеей безвластия.

Еще отрадее становилось от того, что подавляющее большинство с'ехавшихся состояло из молодежи. Английская молодежь, как видно, живо интересуется анархизмом. Между прочим, это потверждается и тем, что ежемесячное приложение к газете „Фридом" почти исключительно заполняется молодежью. Некоторые из постоянных сотрудников приложения родились в 30-х годах, а есть и такие, которые родились в 40-х годах. И все это люди с высшем образованием. Некоторые из них уже окончили университеты, а некоторые еще учатся.

Меня, как старика, это очень радует. В русском анархическом движении в Америки молодежь почти отсутствует. Только старики, а молодых нет. Совсем не то в Англии. Там анархическое движение состоит главным образом из молодежи. И вследствие этого анархическое движение в Англии теперь заметно успевает. Было время, когда казалось, что газета „Фридом" не сможет устоять. Теперь же не только ничто не угрожает „Фридом", но в проекте находится несколько новых анархических периодических изданий. Очень возможно, что некоторые из них увидят свет еще в этом году.

В Лондоне почти не бывает ни одного вечера, чтобы не состоялось какое-нибудь анархическое собрание — то митинг в парке, то дискуссия в закрытом помещении. Успеху анархического движения в Англии способствует усилившиеся в последнее время протесты против войны и гонки вооружений. Человек, став пацифистом, неизбежно приходит к анархизму. И мы должны радоваться тому, что хоть в некоторых частях света наше движение успевает.

Путешественник

FREEDOM — ANARCHY

„Фридом" — еженедельная анархическая газета на английском языке.

„Анархия" — ежемесячное приложение к „Фридом".

Подписная цена на оба издания 5 дол. в год.

Чеки и денежные переводы просят выпиывать на:

FREEDOM PRESS
17-a MAXWELL ROAD
LONDON S. W. 6, ENGLAND

От Редакции: Список пожертвований на журнал будет напечатан в следующем номере.